

ТАТЬЯНА ВЯЗЬМСКАЯ

Ночи
Клеопатры

МАГИЯ ЛЮБВИ

Татьяна Вяземская

Ночи Клеопатры. Магия любви

«Яуза»

2014

Вяземская Т.

Ночи Клеопатры. Магия любви / Т. Вяземская — «Яуза», 2014

Ей твердили, что «женщина не может управлять государством». В юности ее выдали замуж за младшего брата, как испокон веков было заведено у фараонов, а когда она восстала против инцеста – объявили царевну вне закона. Но КЛЕОПАТРА смогла покорить сердце Цезаря – и с его помощью завоевала трон! Вот только возможно ли женское счастье на вершине власти? Выживут ли страсть и нежность в паутине дворцовых интриг? Защитит ли магия любви от лютой ненависти? Какую цену приходится платить за ночь с Клеопатрой? И кто исцелит ее разбитое сердце? Читайте **НОВЫЙ РОМАН** о божественной женщине, в которую продолжают влюбляться до сих пор, чье легендарное имя и совершенные черты известны каждому, а ее поразительная судьба, полная потрясающих драм и обжигающих страстей, никого не оставит равнодушным!

© Вяземская Т., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Вяземская

Ночи Клеопатры. Магия любви

Глава 1

Маленькая девочка сидела у отца на коленях.

Отец машинально гладил ее по голове – мысли его явно были заняты чем-то другим.

– Папа, а почему меня так зовут?

Отец не услышал, и девочка, вывернувшись из-под отцовой ладони, подергала его ручонкой за плечо.

– Папа, почему меня зовут именно Клеопатра?

– Потому что ты – папина радость¹. Папина слава. Уверен – когда ты станешь взрослой, я буду гордиться тобой, – рассеянно отвечал отец.

– А Береника? Ею ты тоже гордишься? Но ведь ее зовут совершенно по-другому? А Трифену – тоже Клеопатра...

– Доченька, беги, поиграй. Твой папа занят.

Девочка, насупившись, сползла с отцовых коленей. Говорит, что занят, а сам просто сидит и смотрит не поймешь куда... Сидит и ничего не делает... А ей так хочется поиграть... Только вот – с кем? Береника и *другая* Клеопатра неохотно принимают девочку в свои игры... Они старше, вот и задаются...

Она думала, что ей придется снова в одиночестве играть со своей любимой куклой, сделанной для нее нянькой Ати, но ошиблась: прямо за дверью стояла Береника. И в этот раз она даже сама протянула сестре руку:

– Пойдем.

Обрадованная, девочка сунула свою ладошку в руку старшей сестры. Береника позвала ее идти с ней впервые! Может, она уже стала достаточно взрослой и сестры теперь будут принимать ее в свои игры?

Старшая сестра почти бегом протащила ее по длинному коридору, а потом втолкнула в какой-то закуток.

– Ты хочешь знать, почему тебя зовут Клеопатрой? А меня – нет?

На секунду девочка испугалась: такого выражения лица у старшей сестры ей еще видеть не доводилось. Как будто... как будто она хочет ударить!

– Так вот, – старшая сестра на мгновение прикусила нижнюю губу крупными белыми зубами. Какая она красивая! Сама Клеопатра, когда вырастет, хочет быть похожей на Беренику!

– Так вот, – повторила сестра, – нашу маму звали Клеопатра Трифена.

Девочка кивнула. Мать умерла, когда ей было всего несколько месяцев, поэтому она, конечно же, маму помнить не могла. Но имя ее знала.

– *Нашу маму*, – повторила Береника. – Нашу с Трифеной. Понимаешь? Триф назвали в честь матери – точно так же: Клеопатра Трифена. Не понимаешь? Где тебе понять: ты не только маленькая, но еще и глупая! *Наша с Трифеной мама – это не твоя мама!* Твоя мать была просто наложницей нашему отцу!

Девочка во все глаза глядела на старшую сестру. Наложница? Она не знала этого слова, но, видимо, оно означало что-то плохое...

---

¹ Клеопатра в переводе с древнегреческого – «слава отца».

– Ты поняла? Ты ничего не поняла, дуреха! Ты незаконнорожденная! Твоя мать была никем! И ничем! А тебя назвали Клеопатрой, чтобы все думали, что тебя родила наша мать! Как будто для кого-то секрет...

Береника говорила и говорила, но все ее слова в голове девочки слились в один резкий навязчивый звук. Как будто там поселился большой комар, такой, каких целая тьма в нильских камышах, и зудел, зудел...

Когда она открыла глаза, рядом не было никакой Береники. А была только няня, добрая няня, которая сидела рядом с ее лежанкой и держала девочку за руку.

Лоб приятно освежало что-то холодное и замечательно пахнущее.

Со скрипом отворилась дверь, пропуская отца. Нянька подскочила и бросилась ниц.

– Поднимись, Ати, сейчас не до церемоний. Что с девочкой?

– Со мной все в порядке, – прошептала девочка. Язык слушался ее плохо.

Отец кивнул.

– Кто не доглядел за малышкой?

Клеопатра с ужасом поняла: за то, что ей стало плохо, сейчас накажут няньку! А может, и еще кого-нибудь. Хотя в том, что она упала, никто не виноват!

Хотя – нет! Виновата! Вредная и противная Береника, наговорившая ей кучу всяких глупостей!

– Ты хочешь что-то сказать, – догадался отец и, слегка повернув голову, бросил няньке: – Пошла вон.

Нянька, пятясь и беспрестанно кланяясь, быстро выбралась из комнаты.

– Ну? Я хочу знать, что с тобой произошло. – Он присел на ее ложе.

Когда отец говорил таким тоном, девочка пугалась. Перед ней сейчас был не папа, несколько рассеянный, но добрый, который мог покатавать ее на коленях, а мог подбросить высоко-высоко, почти к самому небесному своду. Перед ней был царь, которого все боялись...

Вот и хорошо. Пускай и Береника боится.

И девочка, стараясь ничего не упустить, пересказала отцу весь разговор со старшей сестрой. Пускай она мало что поняла – память у нее превосходная, и пересказ получился практически дословным.

Отец нахмурился.

– Вот, значит, как. Ну, что же...

Он встал.

– Выздоровливай, малышка. Обещаю, твои старшие сестры больше не будут тебя обижать.

– Клеопатра Трифена меня и не обижала, – слабо возразила девочка. Конечно, Трифена часто дразнится, и ее тоже следовало бы наказать. С другой стороны – жалко все-таки...

– Я разберусь.

Позже, подкупив одного из рабов имеющейся у нее «неучтенной» золотой монетой, Клеопатра узнала: старшую сестру выпороли. Сделал это отцовский военачальник, и присутствовал при исполнении наказания только царь. Словом, предполагалось, что никто о том, что старшая царевна была наказана из-за младшей, не узнает.

А Клеопатра усвоила несколько уроков. Во-первых, цари только думают, что об их тайных поступках никто не знает. Во-вторых, если хочешь знать о том, о чем тебе знать не полагается (или кто-то другой считает, что не полагается) – плати, и тебе расскажут. Но если хочешь быть уверенным в том, что тебе рассказали правду, одними деньгами ты не обойдешься. Тебя должны любить. Как любил этот пожилой раб, которому, по его словам, девочка напоминала оставленную на далекой Родине дочь. Деньги он взял как своего рода плату за риск: обнару-

жив раба подглядывающим за поркой, отец сорвал бы зло на нем. Но если бы Клеопатра не поговорила с рабом ласково, не попросила – именно попросила, а не приказала! – он бы не согласился оказать ей эту услугу.

Глава 2

Сестры после инцидента с Клеопатрой не общались. Но если Клеопатра Трифена при случайных встречах демонстративно отворачивалась, задирая нос, то Береника иногда даже улыбалась младшей сестре кривой улыбкой.

И маленькая девочка сделала еще несколько выводов.

Во-первых, страх иногда бывает сильнее ненависти. От страха ты станешь улыбаться даже тому, кому на самом деле тебе хочется вцепиться ногтями в лицо и разодрать его.

Во-вторых, страх делает людей жалкими.

В-третьих, тот, кто испытал что-то на своей шкуре, боится сильнее и становится более осторожным, чем тот, кому просто рассказали – яркий пример тому представляли ее сестры.

Своими соображениями она поделилась со своим новым другом – маленьким рабом Мардианом, маленьким дворцовым евнухом.

– Ты слишком умная для семилетней девочки, – улыбнулся Мардиан. Самому ему было уже почти тринадцать, и он относился к девочке несколько покровительственно.

Клеопатра кивнула.

– Да, я умна. Папа сказал, в нашем мире только умные могут не только добраться до власти, но и удержаться.

– Ты хочешь властвовать? – кажется, Мардиан несколько удивился.

Кивнув, девочка твердо ответила:

– Хочу. Понимаешь, я не хочу, чтобы кто-то мог взять и решить, что меня следует выпороть.

Мальчик помолчал, потом сказал глухо:

– Понимаешь, Тэя, – это было ее второе имя, которое мало кто использовал, но Мардиан называл ее именно так. Имя означало «богиня», и в устах кого угодно оно могло прозвучать издевательством, а в устах Мардиана звучало... просто как имя.

– Когда ты при власти, но не на самом верху, тебя... могут выпороть. А могут и приказать казнить. Но если ты находишься на самом верху, тебя могут просто свергнуть. И убить. Причем убить жестоко. Как убили моего отца.

– Ты... царевич?

Мальчик-евнух скупно улыбнулся и не ответил.

– Расскажи! Ну, пожалуйста!

– Эта история не для маленьких девочек, – палец Мардиана мазнул ее по носу.

– Я не маленькая девочка! Я царица, и притом почти взрослая!

– Эта история и не для царевен. Обещаю: когда ты станешь царицей, я тебе ее расскажу.

Царицей? Если она станет царицей, никто не сможет приказать выпороть ее. Зато смогут убить... Ну и пускай! Если она умрет – боги заберут ее к себе. И наверное, наградят, если она будет того заслуживать. Нет, все-таки смерть – менее страшная штука, чем порка...

– Я обязательно стану царицей, – важно заявила девочка. – И ты тогда мне расскажешь свою историю. Только смотри, не забудь, а не то я...

Она чуть было не добавила «прикажу тебя выпороть», но вовремя прикусила язык. Ты только что думала о том, что порка – страшнее смерти, и тут же собираешься угрожать своему лучшему... нет, своему единственному другу.

– А не то я на тебя обижусь и не стану с тобой разговаривать.

Мальчик склонился в полупоклоне:

– Как будет угодно моей царице.

Глава 3

Факелы. Топот бегущих ног. Крики. Кто-то полузадушенно хрипит.

– Сиди тут. Сиди тут, маленькая, все будет хорошо, – нянька Ати гладит ее по голове.

Рука мягкая. Рука как будто говорит: все будет в порядке.

Шаги. Тяжелые. Останавливаются прямо около их схрона. Ати рукой закрывает девочке рот – боится, что та вскрикнет.

Человек в доспехах – им в закутке слышен их скрип – некоторое время стоит на месте.

Видимо, раздумывает, куда отправиться дальше. Потом шаги удаляются.

– Можно вылезать? – тихонько спрашивает девочка.

Нянька качает головой.

– Нет. Позже. Пускай сперва напьются крови.

Клеопатре страшно. Она закрывает глаза и представляет себе жуткую морду какого-то неведомого существа. Глаза у него светятся желтым, изо рта торчат огромные клыки, оно тянет свои руки – именно руки, а не лапы, хотя пальцы оканчиваются громадными твердыми когтями...

– На нас напали?

Она не понимает, что происходит. Ее, сонную, нянька вытащила из постели и приволокла сюда, а по дворцу бегают какие-то люди и всех убивают... Почему? Жив ли отец? Кто на них напал?

– Нас убьют?

– Ну что ты, моя милая, ну что ты!

Голос няньки дрожит, и слова звучат неубедительно.

Значит, убьют. А за что?!

– Не убьют, маленькая, не убьют.

Как хочется верить этому!

Но там ведь Мардиан! Там, в этом крошечном ужасе.

– Я сейчас.

– Не смей! – нянька впервые разговаривает с ней таким тоном, и девочка удивленно пытается разглядеть в темноте ее лицо.

– Ему ничего не будет, – сердито шепчет нянька. – Он-то не царской семьи...

Убивают именно их семью? Сестры, конечно, противные, но жаль даже их. А малыши? Что с малышами? А папа?

– А где папа?

– Папа убежал, – успокаивает нянька. – С ним все будет хорошо.

Папа убежал?

Она испытывает облегчение: раз папы нет во дворце, то, стало быть, с ним ничего не случится. А ведь, наверное, эти, которые напали, охотились именно за ним...

Но облегчение длится очень недолго.

Папа убежал, а ее оставил здесь. Значит, папа ее не любит? Ведь когда любят – не забывают даже тогда, когда страшно. Ведь вспомнила же она о Мардиане. А папа о ней – нет.

– А братья? Арсиноя?

Нянька глубоко вздохнула.

– Надеюсь, малышом никто не тронет...

Ну да, у каждого – своя нянька, и, наверное, они так же заботятся о своих подопечных, как Ати – о ней. Но как папа мог сбежать, оставив всех детей?!

– А Береника?

Нянька усмехнулась, и, хотя в темноте ее лица было не разглядеть, девочка готова была поклясться: усмехнулась зло.

– Ничего с твоей Береникой не станется. Говорят, из-за нее-то вся заварушка и началась. Она все и затеяла.

Береника – затеяла? Это вряд ли. Старшая сестрица откровенно глупа. Она даже читать толком-то не умеет, не то чтобы затевать что-то.

– Теперь, наверное, ее на трон посадят, – шепчет нянька.

Посадить-то, может, и посадят. А вот усидит ли на нем эта дуреха? Чтобы править, надо иметь ум...

Хотя... Впервые ей в голову закрадывается мысль: а умен ли ее отец? Может быть, нет? Ведь если умен – не допустил бы такой ситуации.

Так что же получается, папа... глуп и труслив?! Нет, так думать нельзя! За такие мысли боги непременно покарают! А может, уже покарали? Может быть, все, что происходит, – это из-за того, что она плохо подумала об отце? Но ведь она впервые подумала плохо только вот сейчас?

– Ати, а могут боги наказать наперед?

– Как это – наперед? – удивляется нянька.

– Ну, вот... – девочка не знает, как объяснить свой вопрос, не рассказывая полной правды. А то еще и нянька перестанет ее любить! – Вот ты еще никакого проступка не совершила, а боги знают, что совершишь, и наказывают. Может такое быть? Они ведь все знают?

Ох, няня ведь верит в других богов. В местных. Интересно, а почему настоящие боги тогда не наказывают Ати за то, что она верит не в них? Или им это все равно? А что – не все равно? Богов – много? Или они – одни и те же, и им все равно, как их называют, лишь бы верили и приносили необходимые жертвы?

– Не знаю, – осторожно отвечает няня. – Боги, наверное, могут знать наперед, но вряд ли они наказывали бы за то, чего ты еще не совершил. Иначе люди не понимали бы, за что, и смысл наказания потерялся бы. Помнишь, ты грызла ногти, и я намазала их тебе травкой специальной? Ты пальцы в рот сунула, а они горькие. Так ребенок запоминает, чего делать нельзя. Или когда ты о жаровню обожглась. Тоже ведь запомнила, верно? Думаю, так и боги поступают: наказывают, когда человек уже что-то сделал... не самое хорошее. Чтобы он понял и больше так не делал.

Да, наверное, так и есть на самом деле. Но только тогда кого боги наказали сейчас и за что? И как они накажут папу за то, что он их бросил?

– А иногда боги и не наказывают, – продолжает нянька. – Иногда люди умудряются такое сотворить, что им никакое дополнительное наказание не требуется.

Ну, это уже несправедливо. Детей всегда наказывают за то, что они делают что-то не то, а взрослые, стало быть, иногда сами себя наказывают... Только вот сам себе, конечно же, наказание полегче выдумаешь. Вон когда она без спроса съела мед... Или когда папа наказывал Беренику – разве сама сестра велела бы дать себе плетей? Уж, наверное, нет! Придумала бы себе что полегче...

Девочка скрутилась в клубочек, закрыла глаза. Все равно ведь ничего не видно, чего в темноту-то таращиться!

И незаметно для себя самой задремала.

Теперь во дворце было все по-новому.

Братьев она не видела – их переселили в новые покои и приставили новых нянек, выбранных, по слухам, самой Береникой.

Совсем не так обошлись с Клеопатрой и Арсиной, которой вообще исполнилось всего девять: их поселили в помещение для слуг.

От малышки Арсиной, правда, ничего особо не требовали: во-первых, она все-таки была еще слишком мала, во-вторых, видимо, вся ненависть Береники сконцентрировалась на третьей царской дочери.

Клеопатру сперва отправили на кухню.

– Подай!

– Принеси!

– Вычисти!

Клеопатра подавала – и при этом обязательно роняла какой-нибудь очень важный ингредиент на пол, из-за чего приготовление любимого блюда назвавшей себя царицей Береники (коронация еще не состоялась) становилось невозможным.

Ее отправляли за водой – она не возвращалась долго, а когда приходила, вода болталась на самом доньшке.

Драгоценное блюдо с инкрустацией она попросту испортила.

Если бы на месте Клеопатры была рабыня, ее бы избили. Но дочь царя, к тому же живого и здорового, обретавшегося сейчас в Риме и могущего – чем демоны не шутят! – вернуться в любой момент, трогать все же опасались.

Поэтому менее чем через полмесяца девочку оставили в покое. Главное было не попадаться на глаза старшей сестре.

Впрочем, Береника сейчас была очень занята.

Наряды. Драгоценности. Притирания. Развлечения. Все это увлекало новоявленную царицу куда сильнее, чем сведение счетов с соплячкой – младшей сестрой.

Другая Клеопатра, Трифена, – тоже провозглашенная царицей, в бесконечном празднике участия не принимала. Поговаривали, что она «мается животом».

Клеопатра видела вторую старшую сестру лишь несколько раз, да и то мельком; выглядела Трифена и в самом деле не лучшим образом: лицо пожелтело, а волосы, еще недавно такие роскошные, то ли свалились, то ли частично вылезли.

Каждое утро, на рассвете, Клеопатра встречалась с Мардианом. Она очень любила поспать, но сейчас именно рассветное время оказалось самым безопасным: царские пиры продолжались до глубокой ночи, а то и почти до утра, а потом дворец впадал в спячку.

Мардиан приносил новости.

– Все настаивают, чтобы Береника вышла замуж.

– Кто – все?

– Все.

Впрочем, кто именно настаивал, было неважно. Кто-то из тех, кто помог сестре сесть на престол.

– За кого?

– За Селевка Филометора.

– Кто это?

– Сирийский царевич, кажется. Или не сирийский. Или незаконнорожденный. Да какая разница?

– Интересно!

– Ты и в самом деле просто маленькая девочка.

– Почему это я маленькая?!

– Потому что человеку совершенно не нужно знать то, что ему не нужно.

Клеопатра захихикала. Маленький евнух рассердился:

– Ну, и что тут смешного?!

– Ну, нужно, не нужно... Слова одинаковые...

– Ты несерьезна!

Теперь пришел черед сердиться девочке.

– А зачем мне быть серьезной? – прищурилась она. – Разве я могу что-то сделать? Как-то повлиять на события? Разве что пореже попадаться «любезной сестре» на глаза.

– В таком случае я могу больше не приходиться по утрам, – надулся Мардиан.

Клеопатра погладила друга по руке.

– Приходи, пожалуйста. Я... мне просто так одиноко.

– А твоя няня?

– Няня Ати? Она любит меня, заботится... когда никто не видит. Но она... даже не пытается понять. Она просто жалеет. Слушай, а давай убежим?

– Куда? – не понял Мардиан.

– Не «куда», а «откуда». Сбежим из дворца. Отправимся странствовать...

Маленький евнух покачал головой.

– Во-первых, нас достаточно легко будет найти: не так уж часто встречаются маленькие красивые девочки, путешествующие в компании молодых кастратов. Во-вторых... во-вторых, пока ты во дворце – твоя жизнь вне опасности. Понимаешь?

Девочка не понимала.

– Как это – «вне опасности»? Береника шпыняет меня, когда только видит.

– Не переживай, Арсиное и Птолемею-старшему тоже достается.

Девочка и не переживала по этому поводу – как-то почти не вспоминала о своих сводных брате и сестре. Разве что – о самом младшем Птолеме: он был такой крохотный и милый... Немного похожий на котенка – такой же беспомощный.

– Понимаешь, пока ты во дворце – ты царская дочь.

Девочка фыркнула.

– Да уж. Очень заметно. Царская дочь спит на полном блох тюфяке, ее походя пинают ногами пробирающиеся в спальню ее сестры любовники, иногда она спит прямо на кухне, среди грязной посуды. Ее заставляют чистить...

– Заставляли. И по-моему, безуспешно.

– Это не важно. Согласись, что сестрица обращается со мной не так, как полагалось бы обращаться с сестрой. Я уже не говорю – с дочерью царя. А ты говоришь, что во дворце безопасно.

– Как только ты покинешь дворец, за твою жизнь никто не даст ни единого асса². За тобой сразу отправят наемного убийцу. И никому не придет в голову кого-то обвинять. Сбежала девочка, и сбежала. А там – то ли бродяги убили, то ли звери разорвали, а может, змея ужалила. И нет претендентки на престол. А вот пока ты во дворце, народ знает, что царская дочь Клеопатра жива. И если она вдруг внезапно умрет, Беренике это припомнят. Теперь понимаешь?

Девочка кивнула.

– Вот то-то. Именно потому к Трифене и таскают самых лучших врачей.

– А что с ней?

Мардиан дернул плечом.

– Ты хочешь знать, что говорят врачи? О чем сплетничают в народе? Или правду?

Девочка немного поразмышляла.

– Пожалуй, и то, и другое, и третье. И еще – что думаешь ты сам.

– Правды никто не знает – лекари только разводят руками. Предполагается, что царевну сглазили.

Клеопатра про себя отметила это «царевна» – Трифена являлась полноправной соправительницей сестры, но в то время как Береника царствовала, Трифена ни во что не вмешивалась и как царица не воспринималась.

---

² Мелкая медная монета.

– В народе говорят по-разному. Кто утверждает, что царица травит сестру, поскольку не нуждается в соправителях, другие уверены, что такое кроткое и прекрасное существо, как Береника, не может никому сделать ничего плохого.

Девочка фыркнула. Кроткое! Прекрасное – да, Береника и в самом деле хороша собой, но кроткое... Впрочем, народ ведь совсем недавно посадил ее на престол, свергнув «тирана и деспота» Авлета, и пока еще пребывает в твердой уверенности, что имеет хорошего правителя.

– А что думаешь ты?

– Я думаю, что Трифена просто очень больна. И наверное, скоро умрет.

Девочка разозлилась – она ожидала, что старый друг подтвердит: да, Береника – чудовище, которое травит свою сестру-соправительницу.

Маленький евнух, прищурившись, несколько мгновений смотрел на свою подружку и молчал.

– Дружба заключается в том, чтобы говорить друг другу правду, – сказал он наконец. – А не то, что второй хочет услышать. Если ты хочешь когда-нибудь стать царицей – настоящей, а не такой, как твоя старшая сестра, – тебе обязательно понадобится тот, кто будет говорить тебе правду. Насколько бы неприятной она ни была. Иначе ты будешь править очень и очень недолго.

Клеопатра посопела. От этой детской привычки не могла и не хотела отделяться – сопела носом, словно изгоняя из себя «сердитки», как, смеясь, называл это отец.

– Почему ты такой умный, Мардиан?

Маленький евнух пожал плечами.

– Меня этому учили.

– Но ты старше меня всего на четыре года!

– На четыре с половиной.

– И ты здесь живешь уже несколько лет! Значит, дома ты жил, когда был совсем маленький. Почему же тебя учили такому? Я поняла! Ты – принц! Да, Мардиан? Принц?

– Теперь я просто евнух, – с болью ответил Мардиан. – А кем я был раньше – какое это теперь имеет значение?

– Почему тебя учили, а меня – нет?

– Ты – третья дочь. А может, твой отец просто не задумывался об этом.

– Расскажи мне, кто ты, Мардиан! Пожалуйста! Ты обещал!

– Я обещал рассказать, когда ты поумнеешь. А ты иногда рассуждаешь, как совсем взрослая, а иногда – как будто тебе меньше лет, чем Арсиное.

Кровь бросилась в лицо девочке. Стало быть, она глупа? Она?! И он смеет *такое* говорить будущей царице?! Да она велит...

Что и кому ты велишь, Клеопатра? Пока ты – никто, точно так же, как и сам Мардиан. Ты только что говорила об этом, царская дочь, спящая на дырявом тюфяке.

К тому же Мардиан – твой настоящий друг. Который не бросил тебя сейчас, когда ты в беде. И на которого – может быть, даже единственного! – ты сможешь положиться, когда придет время сесть на трон.

Она опустила голову. Наверное, Мардиан все равно заметил, что она разозлилась. Ну и ничего. Она попросит прощения.

– Прости меня, Мардиан. Я очень рассердилась, когда ты сказал, что я глупая. Но я поумнею, обещаю!

Маленький евнух растроганно вздохнул и коснулся пальцами ее щеки.

– Ты уже умнеешь, маленькая царица.

За дальнейшим развитием событий Клеопатра следила словно со стороны. Как если бы слушала сказку, которую на ночь рассказывает ей верная Ати, и, закрыв глаза, представляла, как именно все происходит.

Тихо скончалась Клеопатра Трифена. Береника устроила сестре-соправительнице пышные похороны. Ради такого случая младших – Арсиною, Птолемея Диониса и саму Клеопатру – приодели в нарядные одежды. Которые сразу после похорон, разумеется, отобрали, по крайней мере у Клеопатры.

Потом Береника вышла замуж. Она противилась этому изо всех сил. А когда все-таки поддалась (Клеопатре почему-то казалось, что в основном ради праздничной церемонии, все-таки старшая сестра была очень равнодушна к подаркам, украшениям, новым одежам), пробыла замужем очень недолго, всего несколько дней: приказала задушить Селевка, своего мужа.

– При этом, могу поспорить, многие продолжают считать ее добрым и перепуганным существом, которое боится даже собственных слуг, – со злым смехом говорила Клеопатра Мардиану. Селевка, которого она почти совсем не знала, ей было не особенно-то и жаль. Кстати, острые на язык александрийцы дали ему за его вульгарную внешность и не менее вульгарное поведение весьма красноречивое прозвище³.

Но почему люди не замечают очевидных вещей?! Береника правит так, как считает нужным, мужа – ну разве что не сама задушила, а убили по ее приказу, и при этом в народе продолжают считать извергом отца, а не эту... царицу. Хотя – у Береники в глазах народа есть оправдание: не может же и в самом деле царица, дочь царей, жить с настолько вульгарным субъектом.

– Ее все равно выдадут замуж, – заметил Мардиан. – В Египте женщине не полагается царствовать одной.

Клеопатра усмехнулась. Может, и выдадут. А пока к сестре по ночам ходят любовники. И что самое неприятное – один из них, по имени, кажется, Бабейфми, стал слишком часто встречаться ей, Клеопатре, в коридоре. Только усмехался в лицо, но девочка чувствовала: этот человек ей опасен.

Ей сунули факел почти в самое лицо.

– А, маленькая паршивка! Вот ты где! А ну-ка, иди сюда!

Бабейфми, любовник сестрицы Береники. Для него она уже «маленькая паршивка», а не царская дочь и царская сестра.

– Эй, парень, поосторожнее, – больше всего ей хотелось сбиться в комочек, стать совсем маленькой, незаметной. Но голос не дрогнул, а фраза прозвучала так, что, пожалуй, будь парень поумнее, он бы просто испугался.

Но парень был глуп. Он сейчас казался себе всемогущим. Еще бы, любовник царевны, которая вот-вот станет царицей. А тут какая-то сопливая девчонка – совсем маленькая еще! – смеет разговаривать с ним таким тоном.

Он больно схватил девочку за волосы.

– А ну, потявкай еще!

– Потявкай?! И ты смеешь говорить это *дочери царя*?!

– Твой папаша сбежал. Ты сейчас никто, и звать тебя никак! Незаконнорожденный ублодок трусливого бывшего царя.

Он приблизил свое лицо прямо к ее; от него несло вином и луком.

Она сцепила зубы, чтобы не плюнуть в эту наглую пьяную рожу. Не сейчас. Надо немного потерпеть.

---

³ Муж Береники Селевк носил прозвище «Кибисакт», что переводится как «Торговец соленой рыбой»

– А ты красивая девочка, – вдруг сменил тон Бабейфми. – Небось еще девственница, а? Ну, конечно, ты ведь еще малышка... Хотя в вашей веселой семейке все может случиться. Хочешь попробовать, что такое настоящий мужчина? Хочешь?

Его рука больно сжала ее грудь, вернее, место, где когда-нибудь – Клеопатра очень надеялась на это – она вырастет.

Стать женщиной? При помощи *вот этого грязного животного?!*

– Да я скорее пересплю с шакалом, чем с тобой!

Он зарычал, и девочка поняла, что допустила ошибку. За которую сейчас скорее всего ей придется расплачиваться.

– Давай. Во дворце как раз нехватка евнухов, – бросила она в гнусную ухмыляющуюся рожу первое, что ей пришло в голову.

– Евнухов? – Бабейфми не понял, но чуть отодвинулся и хватку ослабил.

– За то, что ты пересплешь с ее сестрой, которую она ненавидит, царевна Береника прикажет отрезать тебе твои... причандалы. А может, даже заставит съесть их. На глазах у всех. Придворные любят подобные развлечения.

– Ах ты ж...

Бабейфми изо всех сил толкнул ее; девочка буквально отлетела к стене и сильно ударилась лицом.

Больно. Но, по крайней мере, от изнасилования она спасена. Что же, за все надо платить.

Следующие месяцы превратились в ад.

Нет, больше на ее честь никто не посягал. Ее просто сделали служанкой.

Она спала на дырявом грязном тюфяке – прежде, посещая комнаты слуг, ей таких даже видеть не доводилось. Где Береника раскопала такую мерзость, было просто непонятно. Поглощенная ненавистью к младшей сестре, на которую вдруг обратил внимание ее собственный любовник, Береника даже не думала о том, что этот мерзкий, грязный тюфяк находится в ее покоях – покоях царицы (Клеопатра теперь спала прямо перед дверью сестриной спальни, на случай, если той вдруг придет в голову чего-то потребовать посреди ночи). А Береника периодически ночью выходила из собственной спальни только для того, чтобы пнуть спящую сестру ногой.

Спать под звуки любовных утех, раздающихся из спальни сестры, она сперва не могла. И думала, что никогда не сможет. Но прошел всего месяц, и измученная девочка научилась засыпать в любом месте, в любом положении. Наверное, если бы у нее прямо над ухом играли музыканты, а рядом маршировал полк римских легионеров, она бы все равно могла спать.

Один раз, почти в самом начале своего правления, сестра потребовала, чтобы Клеопатра причесала ее.

Конечно, девочка не сдержалась и больно дернула «любезную сестрицу» за волосы.

И конечно, была наказана.

Ее вывели на задний двор и дали плетей. При этом присутствовали придворные – человек тридцать. Кто-то наблюдал за экзекуцией с откровенным любопытством, кто-то стыдливо отводил глаза: все-таки девочка была дочерью царя, пускай и бежавшего, и всегда сохранялась вероятность, что царь этот при помощи римских копий вернет себе трон.

Клеопатра не проронила ни звука, вцепившись зубами в собственное запястье и прокусив кожу до крови. Ничего. Ничего. Главное – сдержаться сейчас, а шрамы исчезнут... А если не исчезнут, она станет носить браслет, из-под которого их не будет видно. Когда станет царицей. Она станет царицей, и все, кто сейчас глумится над ней, будут наказаны.

Наконец, наказание завершилось.

Она поднялась; растерзанная одежда не прикрывала тела, но девочка и не пыталась прикрыться.

– Теперь я равна тебе, о моя царственная сестра! Я младше тебя, но уже получила столько же плетей, сколько и ты! – голос ее раздавался звонко и громко. Придворные застыли. Лицо Береники стало серым.

– Только у отца хватило жалости к тебе, чтобы не выставить твою неприглядную наготу напоказ и не позорить царскую дочь. А у тебя не хватило... Что же, это говорит о том, что тебе *никогда не стать настоящей царицей*.

Взбешенная Береника, задыхаясь, схватилась за ожерелье, украшавшее ее шею; крупные жемчужины посыпались на мраморные плиты.

Кто-то подошел сзади и настойчиво – но и довольно аккуратно – потащил Клеопатру прочь.

Она лежала на тюфяке плашмя. Больше всего сейчас ей хотелось заплакать. Нет, неправда: больше всего ей хотелось умереть, чтобы не чувствовать этой боли, как будто прямо на спине у нее горит костер.

С другой стороны, она хотя бы не в покоях своей сестры. И тюфяк другой – почище и потолще. И свет в глаза не бьет – окна затемнены. Или, может, просто наступила ночь? Хотя в комнате не совсем темно, несмотря на то что светильник не горит.

Дверь тихонько скрипнула, пропуская невысокую фигурку.

– Как ты, моя царица?

Мардиан. Ее единственный друг.

Он всегда называл ее по имени либо царевной; царицей – впервые. Нет, во второй раз: первый был года четыре назад: он тогда пообещал ей рассказать свою историю, когда она станет царицей. Что же, вот она сейчас возьмет и умрет, так и не узнав, что же с ним произошло...

В носу зашипало, и по щекам побежали слезы.

Юный евнух присел около нее на корточки и осторожно коснулся спутанных волос.

– Поплачь, моя царица. Поплачь. Ничего в этом такого нет, тем более о твоих слезах никто не узнает. Очень больно?

Закусив губу, она судорожно кивнула.

– Я принес мазь. Ее сварила Ати специально для тебя.

– Но рискнул ко мне прийти только ты, верно?

– Да нет. Никакого риска. Береника... боится. Думаю, она тебя больше не тронет.

Девочка криво усмехнулась.

Юный евнух поправился:

– Конечно, она будет продолжать унижать тебя. Но жизни твоей ничего не грозит, это точно.

Мардиан откинул покрывало, и на спину Клеопатры что-то полилось.

– Ткань присохла к ранам. Потерпи, будет немного больно, но ее надо убрать.

Боги, как больно! А еще какие-то несколько мгновений назад ей казалось, что *больнее уже быть не может...*

– Потерпи, потерпи...

Теперь Мардиан емкими аккуратными движениями втирал в ее спину что-то прохладное и хорошо пахнущее.

Боль начала стихать почти сразу.

– Тебе придется полежать на животе пару *часов*, пока мазь окончательно не впитается. А потом можешь повернуться.

– Мардиан...

– Что, моя царица?

– Скажи, как мне выдержать... все это? Может, лучше просто прекратить это... раз и навсегда... самой?

Глубокий вздох.

Дура! Боги, какая она дура! Ведь Мардиан – евнух! Его кастрировали совсем мальшом; может, тогда он и не понимал, что с ним сделали, но сейчас... сейчас ему около семнадцати лет. И он *очень хорошо понимает, что именно с ним сделали*. И – живет. Не перерезал себе глотку. А она *очень хорошо знает*, что это означает – старый Мешулам, «кошачий смотритель», разъяснил ей достаточно подробно.

– Мысли о самоубийстве не подходят одиннадцатилетней девочке, Тэя.

– Мне почти двенадцать. – Она слабо улыбнулась.

Она еще мала – для самоубийства. Зато, видимо, достаточно взрослая, чтобы попытаться ее изнасиловать.

Нет, она не станет накладывать на себя руки. Она должна жить – хотя бы для того, чтобы отомстить сестре и ее любовнику. Отец вернется, и тогда...

А если не вернется? Если Береника и в самом деле станет полноправной царицей... навсегда?

Что ж, тогда надо продать свою жизнь подороже, вот и все. Может быть, у Египта не будет царицы Клеопатры, но тогда у него не будет и царицы Береники. Конечно, она с удовольствием убила бы и Бабейфми, любовника сестры, но следует смотреть на вещи разумно. Сумеет она убить только кого-то одного, и по праву эта «привилегия» принадлежит «любезной сестрице».

Выздоровела девочка достаточно быстро, но вскоре ее ждало новое унижение: объявив во всеуслышание, что у «маленькой грязнули» завелись вши, Береника приказала придворному брадобрю – какая честь! – остричь младшую сестру налысо.

Конечно, в некоторых египетских семьях – семьях бедняков! – детей еще стригли налысо. Но – не девочек, которым совсем скоро исполнится двенадцать!

Эта самка шакала – Береника – всегда завидовала ее волосам! И вот теперь причины для зависти нет.

Утешила ее нянька.

– Вырастут волосы, – уверенно сказала она. – Пуще прежних. И быстро. Дуреха-то эта, – она испуганно прикрыла рот рукой, огляделась по сторонам и, убедившись, что поблизости больше никого нет, понизив голос, повторила: – Царица-то наша...

– Царевна, – сердито поправила Клеопатра.

– Царевна, – покорно согласилась нянька, – зря повелела тебя остричь. Всем понятно, почему она такое повеление дала, и люди смеются.

– Надо мной? – девочка вспыхнула, но тут же сообразила. – Нет, я поняла, над ней.

– А стригли-то тебя на растущую луну, – совсем уже шепотом сообщила нянька. – Теперь быстро отрастут, и пуще прежнего красивые будут...

Она, видимо, с удовольствием поговорила бы о волосах еще, но девочка быстро потеряла к теме интерес.

– Мардиана не наказали? А то я его уже четыре дня не видела.

Нянька покачала головой.

– Мардиана царица... царевна около себя держит. Он ей вслух читает.

Девочка рассмеялась. Мардиан по-гречески читал довольно неважно, а больше ни одного языка Береника не знала и знать не желала.

Значит, «любезная сестрица» попросту решила лишить младшую сестру одного из ее верных слуг. К счастью, Береника просто не могла себе даже представить, что со слугами – а тем более с рабами – можно по-настоящему дружить. Иначе Мардиана ждала бы куда более суровая судьба: чтобы сделать больно младшей сестре, царица – нет, не царица, царевна! царевна! отец вернется, сядет на престол, и все будет хорошо! – запросто могла пожертвовать человеческой жизнью.

Никогда нельзя показывать людям, что тебе кто-то или что-то дорого, внезапно поняла она. Иначе, чтобы сделать тебе больно, у тебя попытаются это отнять. А возможно, даже разрушить. И за ненависть, испытываемую к тебе, кому-то, может быть, придется заплатить очень высокую цену.

Несколько дней после этого, встречаясь в коридорах дворца с Мардианом, девочка отворачивалась, делая вид, что не хочет даже видеть маленького евнуха.

Конечно, ему было больно и обидно. Но она не может послать к нему даже няньку, чтобы та объяснила, почему его «царица» не хочет общаться со своим другом. Во-первых, он должен быть опечален по-настоящему – Беренике обязательно донесут об этом, как доносят обо всем, касающемся младшей сестры. Во-вторых, няньке просто могут дать плетей, и она расскажет обо всем. Нет уж, лучше пускай Мардиан несколько дней пообижается. А она потом ему все объяснит. Он поймет. А если нет... друг, который не готов понимать и прощать, ей не нужен.

Но маленький евнух все понял правильно. Нянька передала от него записку: «У меня все хорошо. Держись!» Записка была без подписи, да она была и не нужна: Клеопатра хорошо знала почерк своего друга.

Няня Ати долго и с удовольствием рассказывала о том, что «этот маленький евнух – большая умница»: на всякий случай он придумал, что нянька должна сказать, если у нее обнаружат эту записку.

Клеопатра слушала и не слушала. Если Береника унизит ее так еще раз, она покончит с собой. Нет, еще чего! Чтобы сводная сестра радовалась? Если Береника еще раз позволит себе унижить ее или как-то обидит Мардиана, ей не жить. С кинжалом к ней не подберешься – значит, остается яд.

– Ати, милая, ты умеешь читать?

– Ну, что ты, царевна! Откуда? Да и ни к чему это женщине. Наше дело – мужа любить, деток рожать, воспитывать. Следить, чтобы в доме всегда было чисто, вкусно сготовлено...

– Ати, я напишу записку, передай ее Мардиану, незаметно.

Мардиан читает царице вслух. Мардиан имеет доступ к библиотеке. Мардиан сможет найти нужный свиток.

В том, что во дворцовой библиотеке найдется нужная ей информация, девочка не сомневалась: там было много чего. Меньше, конечно, чем в городской Александрийской библиотеке, но тоже немало. С удивлением она подумала о том, что никогда не замечала, чтобы отец заходил в дворцовую библиотеку. Может, она просто не видела?

Мардиан не подвел. Нужный свиток (один: то ли Мардиан больше не нашел, то ли не рискнул брать несколько) был у Клеопатры уже на следующий день. Честно говоря, их даже в руки было страшно брать: обычные строчки, черные, и в каждой таится смерть. Оказывается, свести человека со света можно столькими разными способами!

Но, к сожалению, большинство названий растений, из которых можно было приготовить ядовитое зелье, девочке были незнакомы. Некоторые она знала, но где их достать?

Попросить няньку? Мардиану она могла довериться, знала: если его даже станут пытаться, он не выдаст свою подружку; но подставлять старого друга тоже не хотелось. Няньке же Ати она не доверяла. Нет, нянька по-настоящему любит ее. Но, во-первых, она глуповата, может еще где-то случайно проболтаться. А во-вторых, ее даже не надо подвергать пыткам: достаточно только испугать, и Ати выложит все, что знает, а заодно и чего не знает.

От волнения ли или по какой другой причине, но к вечеру девочка заболела. Свиток был надежно (как ей казалось) спрятан.

Болезнь протекала вяло, но длилась дольше месяца.

А когда исхудавшая и заметно выросшая Клеопатра снова смогла выходить из своей комнаты, выяснилось, что Беренике уже не до сестры: она снова выходила замуж. И свиток так и остался в тайничке – на всякий случай.

Нового избранника сестры звали Архелай, сын Архелая. Впрочем, сам новоявленный царевич (соправителем Береника его так и не сделала) утверждал, что на самом деле его отцом является сам Митридат. Это, по идее, должно было доказывать его родство с Лагидами: так, видимо, он пытался намекнуть супруге, что тоже имеет право царствовать наравне с нею. Но молодая царица намека не поняла.

Впрочем, многочисленные любовники из спальни царицы исчезли: не получив власти над царством, Архелай получил по крайней мере полную власть над телом жены.

Клеопатра видела своего нового родственника всего несколько раз и то мельком: видимо, сестре хватило того, что один из любовников обратил внимание на подрастающую девочку, и она решила себя обезопасить.

Возможно, спустя какое-то время Архелая удалось бы уговорить жену сделать его соправителем, но он попросту не успел: всего через три с половиной месяца в Александрию ворвалась римская конница под руководством молодого, но уже достаточно известного полководца Марка Антония; конница являла собой авангард римской армии, которую вел Авл Габиний. Вместе с армией в город вернулся и законный царь, Птолемей Неос Дионис.

Глава 4

– Ну, почему же ты не подходишь к отцу, моя девочка?

А она уже и отвыкла от отцовского высокого голоса.

Отец... Вернись он год назад, она бросилась бы к нему на шею, не обращая внимания на людей вокруг. Плакала бы, прижималась, ждала, когда же папа погладит ее по голове. А сейчас она смотрела на отца – на его довольное, сытое, холеное лицо – и испытывала презрение. Сам сбежал – понятно, если бы остался, мог бы и жизни лишиться. Но как можно было оставить детей? Зная характер своей старшей дочери?

Впрочем, может, папа и не знал, что представляет собой Береника. Он не слишком-то часто общался со своими детьми. И к тому же... к тому же Клеопатра уже не раз думала о том, что отец ее не слишком умен. В таком случае... его можно простить? Да нет, пожалуй, не получится. Глупость трусости не помеха. Отец трусливо сбежал, и заставить себя поверить в то, что на самом деле это было не так, достаточно трудно.

– Ну, иди же!

Отец театрально раскинул руки в стороны. На кого он пытается произвести впечатление? На римских легионеров, на чьих мечях и копьях он вернулся в Александрию и во дворец? Сам на себя?

Девушка закусила губу и быстро пошла к отцу. Должна была бы побежать, но не сумела заставить себя.

Отец целовал ее мокрыми губами – щеки, лоб, нос, подбородок, – а она при этом испытывала только одно: непреодолимое желание вытереться.

Наконец отец, не отпуская ее плеч, еще одним театральным жестом отодвинул дочь от себя.

– Какая ты стала взрослая!

Да, отец, я стала взрослой. И в этом, как, впрочем, и в том, что я сумела выжить, нет твоей заслуги. Вспоминал ли ты на протяжении этих четырех лет о своих дочерях? Сыновьях? Или думал только о том, как вернуть себе трон?

Да, власть – штука жестокая. Тут, наверное, каждый за себя – иначе не выживешь. Но если у нее когда-нибудь будут дети, она никогда, никогда не покинет их в трудный момент!

– ...достаточно взрослая, чтобы понимать...

Кажется, отец что-то сказал. Судя по тону – оправдывается. Слушать это... противно. И совершенно бессмысленно.

– Да, отец. Я понимаю, отец.

– И я хочу, чтобы ты это видела своими глазами.

Видела? Что именно?

– Казнь состоится сегодня. Разумеется, ты будешь присутствовать тайно.

«Какая казнь?» – чуть было не спросила она и вдруг поняла: отец собирается казнить Беренику. Собственную дочь! Которая – да, правила, как это говорится? Узурпировала власть. Но ведь отец сбежал сам! Не Береника выгнала – она просто воспользовалась ситуацией. За что же казнить? Ах, ну да. Пока Береника жива, можно спорить, кто из них с отцом является полноправным правителем.

Но неужели можно ради трона...

Выходит, можно. Учись, девочка: ради трона можно все, что угодно.

Только для чего отцу, чтобы она присутствовала при казни?

Внезапно она поняла: это свяжет их крепче, чем родственные отношения. Узы крови прочнее кровных уз. Она тоже будет... испачкана. У подданных не возникнет желания поса-

дить ее на место отца-тирана, убийцы собственной старшей дочери – в глазах черни она будет являться убийцей сестры. «Нежной», «кроткой» и «боязливой» Береники.

Ну, что же, Клеопатра пройдет и через это – выбора у нее все равно нет.

Береника не плакала. Не умоляла. Но и сказать, что она решительно шла на смерть, Клеопатра тоже не могла. Скорее сестра выглядела так, как будто не понимала, что происходит.

Конечно, из ее закутка было видно не слишком хорошо, но выражение лица у свергнутой царицы было совершенно пустое. Как будто двигалась лишь одна оболочка. Пустая.

Отец сказал ей какие-то слова – такие же пустые, как взгляд свергнутой царицы. Потом ее вывели.

Мардиан сказал, что если у Птолемея хватит жалости к дочери, он прикажет дать ей специального отвара. Она не будет бояться и почти ничего не почувствует. Видимо, отвар Беренике дали. Только вот почему он не пожалел другую дочь? Почему?

Клеопатра тоже бы с удовольствием выпила сейчас такого отвара. Чтобы ничего не чувствовать. Чтобы быть пустой оболочкой.

Она вцепилась пальцами в каменную резьбу. А потом, сжав пальцы в кулак, принялась возить костяшками пальцев по камню.

Сильнее! Еще сильнее!

Боль отвлекала. Боль позволяла не думать о том, что должно было произойти там, в маленьком внутреннем дворике, что уже происходило.

Какой странный звук. Глухой, как будто кто-то саданул ногой по бочке с вином. Это... Нет, нет! Она не будет думать об этом. Отец сволочь, зачем он заставил ее присутствовать при этом?!

Спокойно, Клеопатра, спокойно. Все не так плохо. Ведь тебя могли заставить стоять *там*. В метре от палача. И брызги крови...

Ее начало мутить.

– Мой царь! Правосудие свершилось!

Один из отцовых приближенных торжественно вошел в зал, держа в руках серебряный поднос. А на подносе...

На подносе, с глазами, глядящими – нет, уже не глядящими! – в разные стороны, с посиневшими искривленными губами, находилась голова ее старшей сестры.

Боги! Ее сейчас стошнит!

Она судорожно сглотнула – раз, другой. Помогало плохо. Вдохнуть поглубже. Но этот запах, запах свежей крови...

– Правосудие свершилось, – побелевшими губами повторил отец. – Унеси... это. Пускай мою дочь подготовят к погребению. Как положено царской дочери.

Когда дверь за несущим на вытянутых руках страшную ношу придворным закрылась, отец уселся, прикрыл глаза.

– Клеопатра, поди сюда, девочка.

Она заставила себя отцепить руки от колонны. Отец заметит, что у нее сбиты костяшки.

Не заметит. Если она будет держать себя естественно, он ни на что не обратит внимания.

– Как ты, дочь?

«А тебе не кажется, папа, что этот вопрос следовало задать себе самому до того, как заставить дочь смотреть на казнь сестры. Ну, пускай не на саму казнь – на ее... последствия».

– Все в порядке, отец.

– Да? Ну тогда...

Казалось, он хотел сказать что-то – только вот не придумал, что именно.

– Ступай к себе, Клеопатра.

Она дошла до своих комнат. Спокойная. Только кулаки сжались до такой степени, что длинные ногти оставили на нежных ладонях ранки, которые заживут еще не скоро.

Спокойно ответила няньке на какой-то вопрос.

И только увидев Мардиана, не сдержалась.

– Это было ужасно! Если бы ты только видел...

Она представила себе голову сестры на серебряном подносе, и ее вырвало прямо на старого друга.

После этого у девушки началась истерика.

Мардиан тормозил подругу, нянька совала под нос флакон с какими-то благовониями – ничего не помогало: девушку трясло.

– Надо позвать лекаря... позвать лекаря... – слова няньки доносились до нее как-то изда- лека, как будто ее голову прикрывала пуховая подушка.

Внезапно щеку ожгло болью.

Она с недоумением уставилась на ладонь старого друга. Он вlepил ей пощечину! Он посмел... Он хотел...

– Успокоилась?

Он хотел, чтобы она пришла в себя.

Девушка медленно кивнула.

– Ати, принеси воды. Нашу царицу надо умыть.

Сам Мардиан тоже весь был забрызган ее рвотой. Но думал в первую очередь о своей подружке.

– Послушай, Тэя, – он не называл ее этим именем уже очень давно. – Отец правильно сделал, что велел тебе смотреть. Ты... Когда ты станешь царицей, тебе придется самой отпра- влять кого-то на казнь. А может быть, и присутствовать при ней. Ты должна привыкнуть...

– Привыкнуть? – переспросила она с ужасом. – Привыкнуть?!

– Я не совсем правильно выразился. К крови привыкнуть нельзя. То есть можно, конечно, но тогда ты перестанешь быть человеком, превратишься в чудовище. Но цари... им приходится принимать разные решения. В том числе и обрeкать кого-то на смерть. Ты должна осознать это. Думаю, именно поэтому твой папа тебя и позвал.

– А я думала... – она осеклась. Мардиан решит, что она точно такая же, как Береника, раз уж могла подумать такое о собственном отце.

– Я думала, отец хотел, чтобы мы оба с ним... были... ну...

– Разделили ответственность за смерть Береники? – понял Мардиан.

Какой он умный! Если бы он не был евнухом, за него можно было бы выйти замуж. Из него получился бы хороший соправитель.

– Во-первых, думаю, ты не права. А во-вторых... Как бы плохо ты ни думала о собствен- ном отце – это еще не повод делиться своими мыслями с кем-то еще.

– Но я не просто с «кем-то еще»! Я же только с тобой поделилась!

– Все равно, Тэя. Все равно. Ни с кем. Даже с лучшим другом.

– Но ты для меня не просто друг! Ты – гораздо больше!

Мардиан качнул головой.

– Все равно, моя царица. Отец священен.

Клеопатра усмехнулась. Для Мардиана, увезенного от родителей в совсем раннем дет- стве, отец, может быть, и священен. Наверное, его отец не предавал своего сына. Может быть, даже погиб, стараясь спасти своего наследника. А она... она чувствовала: каждый раз, когда она будет смотреть на своего отца, будет видеть голову на блюде. И ее будет тошнить.

Глава 5

Отец во время своего проживания в Риме, по-видимому, наделал множество долгов. Или раздал большое количество обещаний – в обмен на военную поддержку. Или – и то, и другое.

Клеопатра осторожно пыталась задавать вопросы – отец отвечал неохотно. Ну да, брал в долг – а что же, ему там было голодным сидеть, что ли? Ну много – так нынче все дорого. И особенно в Риме – что же ты хочешь, моя дорогая, это здесь провинция, а там – столица мира.

Ну да, и политические вопросы приходилось решать – конечно, при помощи денег, моя милая, политические вопросы по-другому не решаются.

С удивлением Клеопатра узнала, что, оказывается, из Александрии в Рим регулярно прибывали послы – и отцу пришлось раздавать взятки. Не для того, чтобы их никто не выслушивал, а для того, чтобы их убивали.

И оказывается, замужество Береники – за несчастным Селевком-рыбником, – получилось лишь с третьей попытки: до этого мужьями царицы чуть не стали – по очереди, разумеется! – два Селевкида: первый умер во время переговоров от банального обжорства (по крайней мере, так сказал дочери Авлет), второй – выжил, но отправился восвояси, получив строгий запрет от сирийского проконсула Авла Габиния даже думать о браке с Береникой.

Имен юношей (если они, конечно, были юношами, а не зрелыми мужчинами) Клеопатра не запомнила. Зачем? Они оба – просто история.

Кстати, Габинию отец обещал за помощь в восстановлении на престоле какую-то совершенно сумасшедшую сумму. Габиний, рослый и широкоплечий мужчина с красивым, но удивительно неприятным лицом, время от времени появлялся во дворце.

Девушка эти моменты ненавидела – Габиний смотрел откровенно «масляными» глазами, и в любой момент мог затребовать от отца отдать ему дочь. Не в жены – просто в игрушки. И отец – у Клеопатры почти не было в этом сомнений – согласился бы, не считаясь с чувствами дочери. Какая там дочь, если денег в казне почти нет, а долг – огромен, и кредиторы постепенно забирают из казны все, что там еще осталось.

Отца и в самом деле «доили» все, кому не лень. Особенно старался Рабирий Постум – видимо, именно ему отец задолжал больше всего. Задолжал настолько, что вынужден был назначить его на весьма «хлебную» должность министра финансов – дийокета. Правда, назначение сильно роняло Постума в глазах соотечественников-римлян, зато в его руках была сосредоточена вся государственная казна. И он в нее с превеликим удовольствием свои руки запускал.

Постум Клеопатру просто бесил. Порой она обсуждала эту тему с Мардианом, удивляясь, что человек, который не имеет – в отличие от того же Габиния и еще нескольких, не менее противных, на ее взгляд, римлян, – на нее никаких видов, вызывает у нее такое отвращение.

Мардиан смеялся:

– Ну, здесь два варианта. Либо у тебя начинает формироваться государственный ум, и человек, который грабит казну и, по сути, вредит не тебе одной, а всей стране, вызывает у тебя больше неприязни, чем личные враги.

Девушка кивнула. Такая версия ей нравилась.

– Либо, – как-то болезненно усмехнулся Мардиан, – ты, как истинная кокетка, не можешь спокойно реагировать на то, что кто-то остался равнодушен к твоим чарам.

Девушка фыркнула.

– Вот уж нет! Тебе не понять, а я Габиния, к примеру, *просто боюсь*.

Мардиан странно посмотрел на нее и вышел из комнаты, не произнеся ни слова.

Клеопатра недоумевала. Обиделся? На что?!

Потом до нее дошло. Фразой «тебе не понять», она подчеркнула его неполноценность в физиологическом смысле. А ведь он, бедняга, и так, наверное, страдает...

Но извиняться она не будет. Во-первых, она обидела его не специально, во-вторых, извинениями, пожалуй, можно обидеть его еще сильнее.

Постум все выгребал и выгребал из казны. Возводил себе дворец, который не то что мог поспорить с царским, а явно превосходил его по роскоши – это было видно даже сейчас, когда строительство было еще не завершено.

Клеопатра сильно сомневалась в том, что отец мог наделать *настолько много* долгов. Но когда она попыталась поговорить с ним на эту тему, Авлет просто отмахнулся:

– Не забивай этим свою красивую головку!

Клеопатра уже знала: отец составил завешание, по которому правителями после его смерти будут они с Птолемеем. И при этом говорил, чтобы она не забивала свою голову «глупостями». А кто же будет думать о благе государства? Птолемей Дионис? Который еще совсем ребенок, и к тому же не имеет даже десятой доли ее знаний? И не стремится их получить?

Мысль о глупости отца окончательно упрочилась в ее голове.

И она перестала задавать вопросы. Какой смысл спрашивать, если все равно не получишь ответа?

Зато стала много времени проводить в библиотеке. Книги, в отличие от отца, всегда давали ответ. Иногда – сразу. Иногда, чтобы получить его, надо было приложить серьезные усилия.

Читала греческих философов, обсуждая прочитанное с Мардианом.

– Девочка моя, ты слишком много времени проводишь с этим евнухом, – заметил как-то отец, когда в очередной раз решил вспомнить о своих родительских обязанностях.

– Вот именно – с евнухом, отец. На моей репутации это никак не отразится.

Птолемей-Авлет смутился. Девочка слишком... слишком... Да нет, возможно, она уже давно стала женщиной – особенно с учетом того, что здесь творилось при правлении ее сестры, но не обо всем же можно говорить вслух! Да и потом...

– Я имел в виду вовсе не это. Мардиан – евнух, дворцовый слуга...

– Говори уж прямо, отец: раб.

– Он не раб, но...

– Но его положение не сильно отличается от рабского, верно? И по-твоему, царевне не пристало общаться столько много с рабами?

– Ну, я только хотел сказать...

– Знаешь, что я хочу тебе сказать, отец? Ты в свое время посоветовал мне не забивать мою красивую голову тем, что ты считаешь неважным. Я, в свою очередь, также посоветую тебе... не забивать свою голову тем, что тебя не касается. Кстати сказать, Мардиан намного умнее... большинства твоих советников.

Она собиралась сказать «намного умнее тебя» – это была правда, но все же Клеопатра пощадила чувства отца.

Алчного Рабирия Постума из Александрии изгнал народ.

– Больше он не будет тянуть из казны! – сообщил дочери довольный Авлет. – Там и так не очень много осталось.

Девушка промолчала. Народ сделал то, что должен был сделать его правитель. Трон под отцом опять шатался, а он даже не хотел этого понимать.

А спустя несколько месяцев отец умер. Сперва заболел – дышал тяжело, с одышкой, покрылся какими-то странными пятнами, не мог есть и, проболев дней десять, в мучениях скончался.

Глядя на отцовское лицо, которое и в смерти не приобрело значительности, отсутствовавшей у него в жизни, Клеопатра подумала о том, что ей совершенно не жаль его. Жил, как скотина, умер, как собака.

Согласно завещанию, гарантом исполнения которого являлся Рим, правителями назначались старшая дочь царя Клеопатра и старший сын, Птолемей Дионис, которому суждено было войти в историю под номером тринадцать.

Предполагалось, что брат и сестра вступят друг с другом в брак. Девушке на тот момент еще не было восемнадцати, ее брату исполнилось десять.

Глава 6

Клеопатра совершенно напрасно рассчитывала, что, пока брат не возмужает и не начнет хоть что-то понимать в государственных делах, она сможет править самостоятельно. На деле получилось совсем не так.

Большое влияние на мальчика имел его наставник, «нянь», как смеялись Клеопатра с Мардианом, внуч Пофиний. Вернее, смеялись они раньше: сейчас Пофиний получил такую власть, что смеяться над ним стало небезопасно даже для Клеопатры.

Доходило до того, что Пофиний объявлял свои решения, даже не пытаясь сделать вид, что они принадлежат малолетнему царю.

Впрочем, в одиночку Пофиний распорядился недолго: мальчик-царь, почувствовавший себя взрослым и получивший возможность удовлетворять все свои капризы, вдруг несколько отодвинул внуха, приблизив своего учителя, Диодота Хиосского.

Это было по меньшей мере странно: учиться Птолемей Дионис не любил и своего учителя раньше откровенно недолюбливал.

Клеопатра сперва предположила, что это сделано просто в пику Пофинию, который стал даже с самим царем порой разговаривать снисходительным тоном. Но она просто переоценила брата: тот вовсе не в состоянии был замысливать что-то против своего любимца. Просто оказалось, что он готов слушать с открытым ртом не только одного Пофиния: Диодот приложил все усилия, чтобы подняться на верхнюю ступеньку – и поднялся. Для этого требовалось обливаться грязью старых отцовых приближенных – он обливал. Требовалось «подмазаться» к внуху – вскоре ритор и жирный Пофиний стали лучшими друзьями.

А потом к их компании добавился еще один, полководец Ахилл-египтянин. Правда, Клеопатра сомневалась, есть ли в нем что-то египетское – кроме женщин, с которыми он забавлялся.

Ахилл, возможно, был толковым полководцем, но, честно говоря, судя по его виду, в это верилось с трудом. Более всего он походил на кота, который уже обожрался рыбой, но все-таки не может оторвать взгляда от сливок.

Ахилл был высок, хорош собой, особенно замечательно он смотрелся на фоне своих «друзей»: тощего, скособоченного и прыщавого царя, угловатого ритора и жирного складчатого внуха. При этом на загорелой физиономии его, казалось, было написано: «Ну, посмотрите же на меня! Разве я не хорош?» – и, пожалуй, именно это выражение его лица сильнее всего раздражало Клеопатру. Петух петухом! Он так кичился своей внешностью, что выглядел просто глупцом!

– Ахилл – красивый мужчина, – заметил как-то Мардиан, которому отныне никто не препятствовал приходить в покои царицы, когда ему только вздумается.

Клеопатра фыркнула.

– Вот еще! У тебя дурной вкус, друг мой. Он похож на петуха, который... пындится перед курами.

– Что делает? – брови старого друга поползли вверх.

– Ну, знаешь, они так надуваются и важничают... И при этом глазом косят: заметил ли кто-то их красоту? Так и Ахилл.

Молодой внух хмыкнул:

– Ну, у тебя и сравнения! А вместе с тем Ахилл покори уже всех служанок во дворце.

– Как, и мою Ати? – притворно ужаснулась Клеопатра: Ати уже давно перевалило за пятьдесят, и вряд ли бы Ахилл взялся очаровывать старушку.

Они посмеялись.

– Всех молодых служанок, я имею в виду.
– Ну, для них счастье – обратить на себя внимание царского приближенного. Я думаю, они были бы рады и вниманию со стороны Пофиния. Особенно если он платил бы деньги.
– Ты несправедлива. Он на самом деле хорош собой.
– Я несправедлива. Для чего ты затеял этот разговор?
– Цари должны быть справедливыми.
– Я не царь, а царица.
– Какая разница?
– Такая, что я в первую очередь женщина. Конечно, моя... мое не слишком хорошее отношение к Ахиллу не мешает мне видеть то, что как командующий он на своем месте. Но все же мое личное восприятие находится для меня на первом месте. Для чего ты затеял этот разговор?

– Я видел, какими глазами на тебя смотрит Ахилл-египтянин. Это может плохо закончиться.

– Ты думаешь, что он изнасилует меня? Не бойся. Я достаточно сильна. И потом, у меня всегда с собой кинжал. Небольшой. Убить я его не убью, конечно, но вот ткнуть в чувствительное место могу.

– Я как раз боюсь, что он тебе понравится.

Клеопатра пожалала плечами, но не ответила. Она попросту не поняла, что хотел сказать старый друг.

– Если он тебе понравится, и... – Мардиан замялся.

– И я ему уступлю – ты это хотел сказать?

– То тебя накажут за супружескую неверность. В лучшем случае ты потеряешь только трон. В худшем – жизнь.

– Нет такого закона, по которому неверную царицу можно было бы казнить. Все аристократы вокруг только и делают, что изменяют своим мужьям и женам, и просто разводятся.

– Аристократы. А ты – царица. И если Птолемей задумает избавиться от тебя, его дружки наверняка найдут какой-нибудь древний закон, согласно которому тебя можно будет лишиться жизни. Или придумают новый и выдадут его за старый. А даже если и нет – неужели ты согласна потерять власть?

Клеопатра задумалась. Что, если бы ей сейчас какой-то молодой красавец – такой, чтобы сердце начинало биться сильнее от одного его взгляда, – предложил сбежать с ним и стать его женой? Не фиктивной, каковой она является сейчас, а настоящей. Жить где-нибудь в отдаленной провинции, подальше от всей этой суеты, интриг, постоянной угрозы жизни. Рожать детей...

Нет, дети, конечно, – это хорошо. Но отказаться от книг? От дворцовой библиотеки? От Общественной библиотеки? От бесед с учеными мужьями? Если она станет обычной «добропорядочной женой», со всем этим придется распрощаться.

И не только с этим. Не стоит лгать себе, Клеопатра: ты ни за что не откажешься от престола. Хотя бы потому, что видишь: из тебя получился бы куда лучший правитель, чем из сопливого мальчишки, твоего супруга, во всем покорного своей жадной своре.

– Я буду осторожна, – пообещала она скорее самой себе.

– Аполлотор...

– Аполлотор – мой друг, – резко бросила она. – В нем я не сомневаюсь так же, как не сомневаюсь в тебе.

Аполлотором звали сицилийца, который в последние годы являлся приближенным отца. Он давал умные советы, и вообще с ним было приятно беседовать.

– Ты знаешь его гораздо меньше, чем меня. Он тоже... проявляет к тебе излишнее внимание.

– Он – умный человек, – бросила Клеопатра. – Не с братом же моим ему общаться! Не беспокойся, я уже пообещала тебе, что буду осторожной. Кстати, об Аполлодоре. Я хочу доверить ему одно важное поручение. И хочу, чтобы вы занялись этим вдвоем.

Мардиан поклонился:

– Все, что будет угодно моей царице.

– Не люблю, когда ты такой. Ты прекрасно знаешь, что являешься моим самым лучшим другом, самым доверенным лицом. Но я – царица. Я считаю нужным общаться и с другими людьми, заводить сторонников. Мне нужно будет на кого-то опереться, когда начнется гражданская война. А она начнется. Дело считаных месяцев. Так вот. Ученые говорят, в этом году снова не стоит ждать разлива Нила. А значит, нам снова понадобится закупать продовольствие. В тот раз мне удалось... вытащить из казны столько денег, чтобы хватило. В этот раз, я думаю, хватит тоже – вся эта свора жадна, но и труслива, они пока тянут... достаточно умеренно. Но я хочу, чтобы ты продал вот это, – она достала из шкатулки, которую специально достала заранее, два массивных золотых браслета, выполненных в виде змей. Змеи имели рубиновые языки и глаза, а сами были усеяны изумрудами. – Там, в шкатулке, еще серьги. Ты продашь это сам. Тайно, но так, чтобы тебя узнали. Понял?

Мардиан медленно кивнул.

– Ты хочешь закупить продовольствие на эти деньги.

– И на эти тоже. Этих, конечно, не хватит, но, как я говорила, в казне еще кое-что имеется. И я хочу, чтобы жители Египта знали, на чьи деньги приобретен хлеб, который они едят.

– Но...

– Это – не наследственные драгоценности Птолемеев. Это – мое, личное. Когда-то давно мой отец подарил это моей матери – когда узнал, что она ждет ребенка. Меня. Мать умерла, он забрал драгоценности себе. – Она усмехнулась. – И чудом не растранижил их, когда жил в Риме. Думаю, на самом деле они были спрятаны здесь, во дворце, в каком-нибудь тайнике. Думаю, скорее всего он вспомнил о нем, когда был уже болен, иначе это все сейчас носила бы жена или любовница Рабирия. А так – они достались мне.

– Может быть, не следовало бы... Все-таки это память о твоей матери...

– Я не сентиментальна, Мардиан. Ты ведь достаточно хорошо знаешь меня. Матери я не помню совсем, и эти цацки не помогут мне вспомнить человека, которого я никогда и не видела. Зато они помогут моему народу не умереть с голоду.

«А мне – удержаться на троне». Но этой фразы она уже Мардиану не сказала.

Глава 7

– Хватит. Не наливай ему больше! – прошипел Пофиний.

Ахилл, тридцатилетний красавец, любимец женщин, только пожал плечами. Почему нет, если мальчишке нравится?

Двенадцатилетний мальчик и в самом деле пьянел слишком быстро, но – какая разница-то? Ну, напился, сразу уснул – кому от этого плохо?

– Не наливай, я сказал!

Ахилл неохотно подчинился.

Жирный евнух имеет больше всех власти над мальчишкой. Пока. Но это ненадолго. Жирный похож на бабу, сюсюкается с мальчуганом. Еще немного, и мальчишка начнет становиться мужчиной, и тогда наступит его, Ахилла, время.

– Он перестает слышать, что мы ему говорим, – пожелал объяснить свое приказание Пофиний.

Как будто мальчишке и надо слушать! Пускай себе подписывает указы – и хватит с него! К тому же... к тому же если мальчишка будет пьян, он не будет постоянно толочься около своей сестры-супруги. А царица, надо сказать, малютка хоть куда! Просто огонь, а не девушка! Как посмотрит своими черными глазами – ему аж жарко становится. Любовница из нее получится просто великолепная – он, Ахилл, знает в этом толк. Если бы она еще так не шархалась от него!

Наверное, у нее кто-то есть. Не может не быть. Она красотка в самом соку, к тому же, говорят, еще совсем девчонкой, во время правления своей сестры, Береники, уже... не отказывала мужчинам в радостях. Говорили даже, ее изнасиловал любовник Береники, Бабейфми. А может, это придумала и сама царица, чтобы оправдать слишком раннюю потерю девственности – ведь ей тогда лет одиннадцать было, верно?

А сейчас, конечно, малышка тоскует без нормального мужика.

За ней этот по пятам таскается, евнух, как там его. От него, конечно, тоже может быть кое-какая польза, но разве ж заменит евнух полноценного мужчину? А он, Ахилл, мужчина хоть куда! Это могут подтвердить и добропорядочные вдовы, и веселые шлюшки, и несколько мужних жен. И даже парочка девиц... бывших, конечно!

Он ей покажет, что такое настоящий мужчина! О, девчонка будет плакать от радости и просить еще! И – он в этом уверен! – он сумеет с царицей испытать куда большее наслаждение, чем испытывал до сих пор.

А какая у нее грудь! Вот бы...

От таких мыслей в паху начало тянуть. Но гнусный Пофиний быстро отвлек военачальника.

– Ты, кобель, о чем думаешь?

«О том, старый жирный каплун, о чем тебе уже поздно!» – хотел огрызнуться Ахилл, но передумал: в конце концов, юный царь больше всего слушает именно евнуха, и конфликт с ним Ахиллу сейчас совсем не нужен.

А если он сумеет покорить царицу... тогда ему Пофиний будет нипочем. Да, собственно, тогда и царь-мальчишка ему будет не нужен.

Что именно ему говорил евнух, Ахилл так и не услышал; нацепив на лицо заинтересованную мину, он кивал в тех местах, где, как ему казалось, Пофиний ожидал этого, раздумывая о том, как бы попытаться соблазнить царицу. Влезть в окно? Девицам такое нравится; Клеопатра может решить, что он влюблен ни на шутку. Это как раз то, что ему и надо. А вот если в ее спальне кто-то будет? К примеру, тот же евнух...

Да ну, глупости! Если царица не дура, а это, судя по всему, так и есть, она хорошо понимает разницу между настоящим мужчиной и... поддельным.

Все, решено. Сегодня ночью он осуществит свой план.

Ахилл покосился на клюющего носом на своей скамье мальчика-царя. Если Клеопатра будет... Нет, не так. Если он сумеет удовлетворить Клеопатру, как женщину, она сумеет удовлетворить его жажду власти. Что же, придется ему сегодня постараться.

Надо сходить к старухе Мескэнет⁴, заказать особое зелье. Говорят, старуха может сварить такое, после которого столетний старец сможет исполнить свой супружеский долг, причем неоднократно. Ему, Ахиллу, пока бессилие не грозит, но зелье на всякий случай лучше взять с собой. Кто-то упоминал, что молодая царица ненасытна...

А он, Ахилл, должен, просто обязан удовлетворить ее! В конце концов, при мальчишке он может оставаться только военачальником, да и то, зависеть приходится не только от переменчивого и капризного нрава царя, но и от этих двух уродов, евнуха и учителя. Каждый из которых так и норовит перетянуть покрывало на себя. Пока что они союзники, но только потому, что положение юного царя – достаточно шаткое.

При подходе к дому гадалки решимость Ахилла несколько поколебалась. Странное имя для гадалки и зельеварки. Подходящее – и это еще сильнее заставляет нервничать. Хотя – скорее всего имя ненастоящее. Тогда старуха – просто шарлатанка. Ну, с одной стороны, лучше пускай зелье будет обманкой, чем отравой. С другой, лучше бы оно все же подействовало.

Домик старухи стоял на самой окраине Александрии; Ахиллу еще не доводилось тут бывать, но Диодот, обучающий юного царя риторике, описал все достаточно подробно. Хорошо, что Диодоту тоже «поперек горла» неограниченная власть Пофиния. Поэтому пока они с Ахиллом союзники. Впрочем, если бы старуху-колдунью порекомендовал один только Диодот, Ахилл еще дюжину раз задумался бы над тем, обращаться к ней за помощью или нет. Но старая Мескэнет была достаточно известна, и Ахилл решил рискнуть.

Визит начался неудачно. Сперва Ахилл не мог докричаться, чтобы ему открыли калитку. После решил попытать счастья и толкнул ее. Калитка оказалась незапертой, и он только успел подумать о том, что это хороший знак, как на него набросился огромный лохматый пес. В секунду полководец, гордость армии, царский любимец, оказался верхом на заборе и только поджимал ноги, чтобы злющая тварь не откусила их.

К счастью, довольно скоро появилась похожая на тень служанка, жестом отозвала пса, потом, жестом же, показала Ахиллу, чтобы он спускался и следовал за ней.

Крохотный домик поражал чистотой. Как будто в нем обитала не колдунья, зарабатывавшая себе на жизнь гаданием, приготовлением приворотных и прочих зелий, а то, может быть, и ядов.

Ахилл, как ему было велено, устроился на низкой скамеечке и стал ждать. Время шло, старая Мескэнет не появлялась, и он начал закипать. Его заставляют ждать! Его, практически третье лицо в государстве! А в ближайшем будущем, возможно, и первое! И кто – какая-то полунищая грязная старуха!

– Я бы на твоём месте была поосторожнее в суждениях, – голос, прозвучавший от двери, был совсем молодым, и Ахилл, резко повернув голову, чуть не свалился со скамеечки.

Нет, все-таки – старуха, и если судьба действительно имеет такой облик, лучше бы вообще не рождаться. Да поможет ему пеннорожденная Афродита!

– Тебе бы, милоч, лучше к Афине воззвать, – на старом морщинистом лице ярко блеснули совсем молодые глаза. – Дабы она тебе разума прибавила. По Афродитиной части, насколько я вижу, у тебя и так все в порядке. Настолько в порядке, что, того и гляди, от дурной болезни

---

⁴ Мескэнет означает «судьба».

лечиться придется. Хорошо, когда Афродита покровительствует, плохо, если Афина не принимает участия.

Старуха – гречанка? Или просто знает, кто перед ней и каким богам он поклоняется? Прожитые годы наложили на это лицо настолько серьезный отпечаток, что стерли национальные черты. Впрочем, судя по размеру носа, это все-таки дочь Греции.

– Да ты садись, милоч, садись. В ногах, видишь ли, правды нет. И промеж них – тоже нет. О чем ты, милоч, похоже, забыл.

Коротко остриженные и подвитые по последней римской моде волосы Ахилла зашевелились на голове. Она что, мысли читает, эта старая ведьма?!

Захотелось немедленно уйти, но он сдержал себя. Он не трус. Бывал в битвах, и свою должность заслужил своими качествами, а не потому, что был чьим-то родственником или подлизывал кому-то зад.

Он не трус и, стало быть, должен довести до конца задуманное. Тут надо действовать, а не выжидать, иначе его попросту сожрут...

– Не бойся, – старуха ласково засмеялась, и на секунду Ахиллу показалось, что перед ним стоит молодая красавица. Влажно блеснули крупные зубы меж пухлых чувственных губ, сверкнули черные глаза... Клеопатра! Нет, все же перед ним стояла старуха. Стояла и смеялась, колыхались дряблые щеки, подрагивал вислый нос.

– Не бойся, славный воин. Не меня тебе нужно бояться, а своих помыслов. Погадать тебе?

Ахилл судорожно кивнул. Он шел сюда, не считая нужным выслушивать какие-либо советы или гадания. Просто – за зельем, которое позволит ему продержаться в постели столько, сколько потребуется. Но противиться старухе он почему-то не мог.

Откуда-то в руках старой Мескэнет появилась стопочка каких-то разрисованных прямоугольников. Не то что видеть – даже слышать о таких Ахиллу еще не доводилось. Он знал, что жрецы могут предсказывать будущее по внутренностям жертвенных животных (и абсолютно не верил в такие предсказания). Верил в гадание по линиям руки – не зря ведь боги наносили их на ладони каждому, да еще и всегда разные! Но такие прямоугольники с картинками... Что они могут сказать?

– Сними, золотце, левой ручкой, – пропела старуха.

Ахилл не понял сперва, потом догадался, сдвинул несколько верхних прямоугольников, выполненных, кажется, из пергамента.

– И сядь, – жестко сказала Мескэнет.

Ахилл опустил на скамью.

Старуха раскладывала раскрашенные прямоугольники, шевелила губами.

– Дурное дело затеял ты, милоч, – сообщила она наконец. – Помощи ты пришел просить в паскудном деле. С богиней Афродитой не шутят почем зря. Не обделяла она тебя своей милостью до сих пор, обделит, если пойдешь на то, что задумал.

Подумаешь, богиня Афродита! Он задумал – и доведет задуманное до конца! – потому что на кону стоит все: деньги, власть. Жизнь, наконец. Бывшие царские любимцы живут недолго. А Пофиний спит и видит, как бы сожрать его с потрохами.

– Не будет тебе удачи в твоём начинании, – отрывисто бросила старуха и смешала цветные прямоугольники. – Но если все же попытаешься, не вини другого в том, в чем сам виноват.

Ахилл внезапно разозлился. Старая шарлатанка! Говорит полную ерунду, которую можно трактовать и так, и эдак. Просто денег хочет побольше содрать! А он пришел сюда за зельем, и уйдет с зельем. Вот так!

Врет она все. Не может она видеть будущего, а могла бы – не напускала бы тумана, а ясно сказала...

Внезапно Ахилл почувствовал приступ злости.

– Мне нужно зелье... против бессилия. Скажи, есть у тебя такое? Если нет, я поищу в другом месте, – отрывисто бросил он.

Старуха удивленно подняла седые густые брови.

– Против бессилия? Верно ли я поняла? Гадание говорит, по Афродитиной части у тебя все в порядке.

– У меня по всем частям все в порядке.

– Но ты не уверен, сумеешь ли удовлетворить... девицу? Мужнюю жену? Вдову?

– Не твое дело, старая карга. Отвечай, имеется ли у тебя такое зелье?

Старуха пожала плечами.

– Зелье есть. Двадцать монет – и оно твое.

Двадцать монет! Да за такие деньги можно...

– Но ведь тебе не коровы нужны и не быки, а именно зелье, – равнодушно заметила старая карга. – А оно стоит ровно двадцать монет. Можешь не брать, если для тебя слишком дорого.

Дорого?! Для него?! Да он... Да он имеет возможность брать из казны столько, сколько нужно! А эта старая карга...

Он отцепил от пояса кошель и небрежным жестом бросил его на стол. Пусть подавится! В кошеле, правда, не намного больше двадцати монет, но зато жест красивый. Ахилл любил, чтобы все было красиво.

– Сейчас.

Старуха вышла из комнаты; вернулась она буквально через несколько минут, неся в руках невзрачный глиняный горшочек с замазанной воском горловиной.

– Выпьешь половину. За один ночной час⁵ до... того, как будешь пользоваться результатом.

Она развернулась и вышла из комнаты. Тут же возникла молчаливая служанка, которая выпроводила Ахилла через ту же самую калитку.

Даже собака не гавкнула, что только усугубило неприятное впечатление от этого посещения. Но это не имело никакого значения. Скоро он будет совмещать приятное с полезным: иметь молодую красивую женщину и обеспечивать свое дальнейшее будущее.

Если Птолемея убрать...

Он повертел головой. Никого в переулке нет. Даже этой странной старухи, читающей мысли. Если Птолемея Диониса убрать, он может жениться на Клеопатре сам. Да даже если бы она была страшна, как слуги Сета (он впервые за свою жизнь мысленно помянул египетских божеств – и даже не обратил на это внимания), ради власти можно было бы стать постоянным покупателем зелья, укрепляющего одну, вполне определенную, часть тела. Но Клеопатра молода и прекрасна, а что строптива... С этим легко справиться. Конечно, она сражается за свою власть, возможно, даже за свою жизнь: старый евнух наверняка готов заменить царицу и в постели малолетнего царя.

От отвращения Ахилла передернуло. Сам он вступал в отношения исключительно с женщинами.

Впрочем, с этим у Пофиния вряд ли выгорит: он, Ахилл, уже приложил некоторые усилия, чтобы пристрастить малолетнего царя к постельным утехам именно с женщинами. Об этом никто не знал, кроме них двоих: Ахилл вывел мальчика из дворца ночью, тайком, сообщив юному царю, что его ждет что-то такое, чего он еще никогда не пробовал, но что об этом никому нельзя рассказывать, иначе им не позволят.

---

⁵ Египтяне делили сутки на 12 ночных часов, 1 час «утренних сумерек», 10 дневных часов и 1 час «вечерних сумерек»; в разное время года длительность таких «часов» была разной.

Вдаваться в подробности он не стал; просто отвел мальчишку в один хорошо знакомый дом, а спустя несколько ночных часов забрал. Посоветовав никому не рассказывать, поскольку Пофиний и Диодот считают, что юному царю еще не по годам подобное развлечение.

Мальчишка держал язык за зубами. С одной стороны, ему явно понравилось, что делала с ним зрелая опытная женщина, с другой – наличие тайны делало его более значимым в собственных глазах.

А вдруг он решит реализовать собственные супружеские права?

От этой мысли Ахиллу стало не по себе, однако он быстро успокоился: он видел, как Клеопатра смотрит на своего брата-супруга – со смесью жалости и брезгливости. Если она с ним даже и переспит, потом только более счастлива будет обзавестись нормальным мужчиной.

Впрочем, нет. Этого Ахилл не допустит. Горячая красивая женщина – и хилый подросток с кривыми ногами и спиной?! К тому же вдруг боги наградили Птолемея Диониса неслыханной мужской мощью взамен на уродливую внешность? Все-таки он – царского рода...

Глава 8

Мысли на эту тему не покидали Ахилла до самого вечера.

Именно они и заставили его совершить целый ряд ошибок.

Во-первых, он, вопреки совету старухи, влил в себя все содержимое горшка, которое начало действовать (или, возможно, подсознание намекнуло ему на то, что так должно произойти) гораздо раньше.

В момент, когда он решил, что пора все-таки проникнуть в покои царицы, явился раб и пригласил его на «вечерний совет». Маленькому царю порой приходило в голову созвать совет, состоящий из Пофиния, Диодота и его, Ахилла. Глупый сопляк! Как будто обычно все важные решения принимали не они втроем! Только иногда это происходило, что называется, в рабочем режиме, а иногда мальчишке вдруг казалось, что недостаток торжественности сказывается на его царской репутации, и тогда он «созывал малый совет». Обычно для решения какого-нибудь совершенно ерундового вопроса.

Взбешенный Ахилл отправился в зал советов.

Как и предполагалось, царь с умным видом принялся рассуждать на какую-то совершенно незначительную тему... или она казалась Ахиллу незначительной, ведь принятое зелье давало о себе знать, и кровь, отхлынув от мозга, прилила к совсем другой части тела.

Ахилл редко слушал в таких случаях, что говорит малолетний правитель, возомнивший себя взрослым. Однако раньше он по крайней мере делал вид, что слушает. Кивал в нужных местах, периодически произносил какие-то слова согласия.

В этот раз у него не хватило терпения.

Сперва он прослушал и не отреагировал вовремя, когда царь обратился к нему лично.

Птолемей Дионис разозлился. Поджал тонкие губы. Ничего не сказал, но мальчишка злопамятен. Позже, когда у него будет соответствующее настроение, он припомнит...

Впрочем, ему, Ахиллу, уже будет все равно. Возможно, тогда уже он будет именоваться царем, а мальчишка... низложенных монархов не бывает, зато бывают монархи покойные. Никто и не удивится, если мальчишка вдруг помрет: такие... хилые уродцы на белом свете не задерживаются. О, они устроят мальчишке пышные похороны! Как полагается царю Египта...

– Я вижу, что мысли нашего военачальника заняты чем-то более важным, чем вопрос, обсуждаемый на совете, – сладко пропел Пофиний.

– Мысли военачальника заняты вопросами обороны страны, – отрезал Ахилл. – И это – действительно более важный вопрос, чем тот, о котором мы здесь...

Он чуть было не сказал «толчем воду в ступе», но воздержался. В конце концов венценосный мальчишка пока еще при власти, и в его воле запросто приказать отрубить Ахиллу голову. Либо придумать что-то более изощренное.

– Прошу прощения у моего повелителя, – он на всякий случай поклонился царю. И подмигнул. Пускай тот расценивает как хочет.

Птолемей Дионис склонил голову.

– Совет окончен. Свое решение я объявлю вам завтра.

Мальчишка, наверное, решил, что сегодня его ждет еще одно увлекательное путешествие к шлюхам.

Нет, мой милый. Сегодня развлекаться будет только твой военачальник. С твоей сладкой сестрицей. И он, быстро поклонившись, первым выскользнул из зала советов.

Добраться незамеченным до покоев царицы вышло без труда: время было позднее, во дворце спали уже все, кроме стражи. Вернее, стража, которой полагалось бодрствовать, тоже

дремала вполглаза. А может, царицу никто особо и не собирался охранять: в конце концов, ее смерть – или исчезновение – многим была бы только на руку.

Минута – и он темной тенью скользнул внутрь.

Пусто! И спальня, и конклав, устроенный совсем по римской моде. Да где же она!

Ахилл вернулся в спальню. Он подождет ее здесь...

– Ласточка моя! Пора принимать отвар!

Ахилл змеей скользнул за пышную, затканную золотом портьеру. Нянька, Джесертеп ее заведи! Интересно, какие отвары пьет царица?

Смешно, если... если такие же, как сегодня выпил он. А зелье-то действует! Ему было все труднее держать себя в руках: еще немного, и он накинется бы на пухлую старую няньку... Но, к счастью, та, обнаружив, что ее «ласточки» в покоях нет, удалилась, ворча себе под нос.

Ахилл, подождав немного, выскочил в коридор. Еще не хватало, чтобы его обнаружили в покоях царицы. Хорошо, нянька подслеповата; а если бы приперся этот сопляк Птолемей Дионис?

Что же делать?

Он несколько раз прошелся по небольшому коридору, проклиная тот час, когда ему пришлось в голову обратиться к старухе Мескэнет: некая очень важная часть его тела уже начала болеть от нереализованных желаний.

Он слишком сосредоточился на своих ощущениях и не услышал легких шагов у себя за спиной.

– Что ты тут делаешь, Ахилл?

Какой нежный у нее голосок! И как идет ей это платье в египетском стиле, подчеркивающее ее фигуру – тоненькую, но такую женственную!

– Я жду тебя, моя царица, – голос прозвучал хрипло: во рту при виде царицы моментально пересохло.

– Зачем?

Она удивлена?

Нет, она просто играет с ним! Женщины всегда понимают, что от них нужно мужчинам! И тем более – женщины опытные. А ведь у такой женщины наверняка было множество любовников! Она уж точно все понимает.

– Потому что я хочу тебя, моя царица! Сгораю от желания!

Сильной рукой он притянул ее к себе и прижал, плотно, чтобы она сразу могла ощутить, что он и в самом деле сгорал от желания.

Вторая рука скользнула по высокой груди, сильно сжала. Ему хотелось причинить девушке боль, чтобы сразу дать понять, кто здесь хозяин... И в следующий момент Ахилл согнулся от сильной боли. В глазах потемнело.

Эта дрянь... эта маленькая сучка... эта продажная тварь... Как она могла?! Так больно ему еще не было никогда...

– Если ты, сопляк, – Клеопатра, брезгливо оттопырив нижнюю губу, крутанула сильнее, – еще раз посмеешь дотронуться до меня хотя бы пальцем, я тебе твоё хозяйство с корнем вырву. Понял?

Ахилл кивнул, судорожно хватая ртом воздух.

– Понял.

– Скажи: понял, моя повелительница!

– Понял, моя повелительница...

Она отпустила пронзаемый невыносимой болью орган, аккуратно вытерла пальцы о его же одежду. Поднесла их к носу, понюхала, скривилась.

– Ты смердишь, слуга! Стадо ослов воняет меньше, чем ты. Наверное, ты щедро платишь женщинам – сомневаюсь, чтобы какая-то из них легла с тобой просто так. А может, ты просто сам распускаешь слухи о том, какой ты любовник, а, Ахилл?

Она усмехнулась и, повернувшись, ушла. Хлопнула дверь.

Ахилл в ярости сжимал кулаки. Ему так хотелось сомкнуть пальцы на нежном горле, ощутить его хрупкость, услышать, как ломается ее шея... Позже, много позже ему придет в голову, что сейчас этого делать попросту нельзя – даже чужими руками. Надо выждать подходящий момент.

А в то мгновение Клеопатру спасет лишь то, что у выпитого Ахиллом зелья имелся побочный эффект: когда срок действия зелья оканчивался, у выпившего его наблюдалась слабость во всем теле, а уж после сильного болевого ощущения – тем более. Бедняга Ахилл не поднял руку на царицу только потому, что вообще был не в силах ее поднять.

Он стоял в коридорчике, сжимая руки так, что ногти впились в ладони, и ему впервые в жизни хотелось плакать.

С этого дня Ахилл стал сторониться царицу. По возможности – не попадался на глаза, а если уж доводилось встретиться, кланялся со всем возможным почтением. А сам пылал жаждой мести.

К чувству оскорбленного достоинства примешивалось еще одно: как и сказала ядовитая тварь, после этого у него ни разу не получилось ни с одной женщиной. Он посетил постоянную любовницу. Он несколько раз был у самых знаменитых александрийских проституток, но то, что до недавнего времени составляло предмет его гордости, так ни разу и не шевельнулось в ответ на самые изощренные ласки. Гадина его сглазила!

Отомстить физически у него не имелось никакого средства. И тогда Ахилл решил действовать по-другому.

Проведя всю ночь в кабаке, он со следами бурной ночи явился к Птолемею.

Юный царь уже давно ожидал, когда Ахилл снова ответит его к женщинам: растущий организм предъявлял и растущие требования. Вместе с тем уже прошел почти месяц...

– По бабам шляется? – ревниво поинтересовался Птолемея Дионис.

Ахилл изобразил улыбку.

– С некоторых пор я не хожу по бабам, мой царь.

Это была истинная правда – он действительно больше не мог ходить по бабам. Но царю полагалось знать совсем другую версию.

– Мне теперь хватает только одной, – он заговорщицки подмигнул. – Потрясающая женщина! Выжимает меня досуха.

Она и выжала его... один раз. Выжала и выбросила, и теперь ему остается только мстить! Ему надо убедить юного Филопатора в том, что он должен исполнять супружеский долг; а уж если Клеопатра решит противиться этому... Что же, тогда за ее жизнь никто не даст ни асса, но он, Ахилл, будет к этому непричастен. А если народ взбунтуется против Птолемея... у него есть еще младшая сестра. Уломать Арсиною будет куда проще, чем эту горячку. А там, глядишь, и здоровье поправить удастся.

– Кто же это? – у царя некрасиво отвисла нижняя губа. Сейчас, того и гляди, слюни пускать начнет.

– О мой повелитель! – Ахилл заговорщицки понизил голос. – Да пребудет со мной твоя милость! Я...

– Не бойся, – подбодрил Птолемея Дионис. – Ты же знаешь, я на тебя никогда не гневаюсь!

На самом деле он гневался довольно часто, порой – ни за что, но сейчас искренне верил в то, что ни за что не рассердится на своего военачальника.

– Это твоя сестра, – доверительно шепнул тот, наклоняясь к самому уху царя – оттопыренному и почему-то непрестанно шелушащемуся.

Птолемей Дионис отшатнулся.

– Клеопатра?!

О, а голосишко-то прерывается! Мальчик, стало быть, тоже подумывает о своей единокровной сестрице. Ах, да, у них же в семье так принято – мамаша Птолемея была родной сестрой его папаша, а Клеопатра ему сестра только наполовину.

– Я понимаю, что она – жена моего повелителя, но ведь это только формальность. На самом деле, как только моему повелителю будет угодно обратить свой взор в сторону законной супруги, я тут же удалюсь от нее.

Это было рискованно. Юный Птолемей Дионис отличался невыдержанным нравом и мог за такую дерзость попросту приказать казнить своего военачальника. Причем придумать для него смерть помедленнее и помучительнее. Например, бросить в яму со скорпионами.

Но Ахилл, досконально зная характер царя, рассчитал правильно. Тот не рассердился, а, скорее... задумался.

– Ну, и... как... она? – поинтересовался он после длинной паузы, облизнув губы. Ахилл на мгновение ощутил гадливость.

– О, это потрясающе, мой царь! У меня было много женщин, не стану скрывать, несколько сотен! – Ахилл несколько приврал, вернее, приврал довольно существенно, но царь еще был слишком молод – он принял все за чистую монету.

– И что? Она лучше всех?

– Лучше, – твердо отвечал Ахилл.

– Но она ведь моя жена, – неуверенно протянул Птолемей Дионис.

– О, если только моему царю будет угодно... – что именно «угодно», лучше не уточнять.

– И как ты думаешь, со многими она...

– Клеопатра – жена царя. И как только царю будет угодно осуществить свои супружеские права, она будет принадлежать только супругу.

Птолемей Дионис задумался.

– А если нет...

– Если нет... О, я не смею, мой повелитель!

– Говори! Я приказываю, говори!

О, а мальчишка уже вошел в раж!

– Прости, о повелитель, но если ты был еще мал на момент вступления в брак, то твоя сестра была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, на что она идет. Если она – я не верю, что такое возможно, но если просто предположить, что она откажет своему супругу и повелителю в исполнении супружеских отношений, то...

– Говори же!

– То, мой повелитель, она сочеталась браком только для того, чтобы заполучить власть.

И в этом случае жизнь моего повелителя может находиться в опасности.

– Почему?

– Потому, мой повелитель, что сейчас, в силу твоего нежного возраста, мы, твои советники, позволяем себе иногда подсказывать, направлять... Позже ты возьмешь всю власть в собственные руки. А если Клеопатра стала твоей женой, чтобы властвовать, она попытается влиять на тебя. И если у нее не получится, ей... Она захочет избавиться от соправителя, чтобы царствовать единовластно.

Птолемей Дионис нахмурился.

– Но я уверен, мой повелитель, что это не так, – быстро сказал Ахилл, едва сдерживая ликование. Семена упали в благодатную почву! Теперь главное – сдержаться и не заводить больше разговора на эту тему. Пускай Птолемей «дозреет» сам.

Спустя несколько дней после разговора с Ахиллом царь, словно невзначай, поинтересовался у Пофиния, как, по его мнению, царица относится к своему супругу.

– Ты должен проверить, мой повелитель, – евнох передернул жирными плечами; сказать, что он недолюбливал строптивую царицу, то и дело ставящую под сомнения все их решения, а то и запрещающую претворять их в жизнь, означало не сказать ничего – его наличие на соседнем с царским месте сильно осложняло жизнь Пофинию. – Такие вещи не спрашивают у окружающих, их выясняют самостоятельно. Если царица относится к тебе любовно – хотя бы как старшая сестра, – она будет исполнять свой супружеский долг. Если нет – берегись, мой царь, ее часть трона становится для нее тесной, и она хочет занять обе.

Мальчик снова задумался. Для Пофиния не был тайной его разговор с Ахиллом. Вояка недалек, но в данном случае сделал все как надо. Они соперники, но сейчас преследуют одну и ту же цель. Клеопатра, без сомнения, брату откажет, причем в явно резкой форме – достаточно просто увидеть, какими глазами она смотрит на брата, чтобы прийти к такому выводу. Остальное Птолемей Дионис сделает сам. И это будет просто замечательно.

Глава 9

Клеопатра проснулась от какого-то странного ощущения опасности.

Резко распахнула глаза, села на постели. Никого. Тихо. Но вот беспокойно.

За минувшие годы она слишком привыкла к тому, что в любой момент может произойти все, что угодно, и сейчас, когда, казалось бы, цель достигнута и ей принадлежит власть...

Принадлежит!

Клеопатра горько усмехнулась.

На самом деле власть принадлежит этому противному жирному евнуху с вывернутыми губами – Пофинию, старому похотливому козлу. И придурку Диодоту. И озабоченному Ахиллу, который, говорят, после... гм, происшествия больше не может любить женщин. Но он хоть и не лез к ней больше! А вот Пофиний...

Девушку передернуло от отвращения. Она уже очень хорошо понимала, чем евнух отличается от нормального мужчины, и тем противнее было ей, когда несколько дней назад это жирное животное огладило ее по заду влажной жирной ладонью.

Почему-то ей казалось, что для брата жирный евнух – не просто советник. Фу, гадость какая!

Впрочем – ей-то какое дело? Брата она не любила; вот если бы Пофиний полез к младшему Птолемею... Но тот – еще совсем малыш, за него пока можно не бояться. Его даже травить никто не будет – понятно, что семилетний ребенок ест только то, что ему дают, и без присмотра его никуда не отпускают; случись с ним что – на несчастный случай не спишешь.

Девушка зевнула. Надо спать. Но все-таки... какой-то звук... или движение? Неужели к ней в комнату пустили змею?

Змей она панически боялась с самого детства, испытывая помимо ужаса еще и брезгливость, и одновременно – чувство вины, ведь змея считалась священным животным.

Ковер на стене шевельнулся – или ей показалось?

Девушка изо всех сил зажмурилась. И почти сразу раскрыла глаза. Опасность, если она действительно существует, следует встречать с открытыми глазами. В конце концов, ей сейчас не пять лет, когда казалось, что если она как следует закроет глаза, то ее не заметят слуги Нехебкау. Который, кстати сказать, также обладал змеиной головой.

Когда не спишь и при этом дрожишь от страха, ночь кажется бесконечно длинной. Поразмыслив, она решила, что Ахилл сюда больше не сунется. Да ему и незачем – это она знает из проверенного источника. Диодот? Он труслив. Нет, в плане покушений на девичью честь ей больше ничто не угрожает. А вот убийцу могут подослать. Но если не спать, она услышит и успеет отреагировать.

Нет, убийцу подсылать не станут. Птолемею пока не нужны дополнительные сложности. А в народе может возникнуть недовольство. Нет, она не заблуждалась насчет собственной популярности: особой любви к ней народ не испытывает. Как, впрочем, и к ее хилому недоумку-братцу. Но насильственная смерть одного из двоих соправителей на данный момент чревата бунтом. Так что бояться ей, наверное, все-таки нечего.

Но разум говорил одно, а глупое тело продолжало трястись от страха.

Под утробу измученная девушка все же забылась тяжелым, лихорадочным сном.

Второй такой ночи ей не выдержать. Не хватало еще сойти с ума от страха. Спать она будет при горящем светильнике. В конце концов, она царица – может позволить себе подобную прихоть. И пускай жирный евнух подавится от жадности – она имеет право жечь столько масла, сколько считает нужным.

Пламя масляной лампы не освещало почти ничего, выхватывая из темноты только небольшой круг, но девушке было намного спокойнее.

Но спала она чутко. И когда легкая занавесь, закрывающая вход в ее комнату, колыхнулась, пропускающая внутрь худошавую фигурку, девушка проснулась и быстро приподнялась на лежанке.

Брат. Единокровный. Противный мальчишка, готовый лизать пятки жирному евнуху и относящийся свысока ко всем остальным.

– Чего тебе здесь нужно?

Мальчик остановился, а потом сделал несколько шагов вперед.

– Что тебе нужно здесь?!

Брат облизнул губы. На лбу его сиял громадный багровый прыщ, а глаза странно блестя.

Клеопатра вскочила, готовая дать отпор.

– Анубис тебя забери, что ты делаешь в моей комнате?!

– Я твой муж. И пришел тебе об этом напомнить.

– Я не забывала.

Она все еще не могла понять, зачем «милый братец» появился к ней в покои среди ночи. Вернее – не могла поверить.

– А жена должна быть женой!

Он резко выбросил вперед руку и, наверное, от такой оплеухи девушка упала бы – если бы не была готова к такому повороту событий.

Она схватила руку единокровного брата и без особого труда вывернула: ее брат и соправитель был не по возрасту хил.

Тринадцатилетний, он выглядел едва на одиннадцать. Противный прыщавый мальчишка, возмнивший о себе боги знают что.

– Мы с тобой – брат и сестра, – Клеопатра постаралась говорить спокойно, при этом не забывая выворачивать руку братцу. – Родные брат и сестра.

– Только по отцу, – мальчишка шипел от боли, но все-таки пытался вырваться. – Ты – дочь грязной греческой шлюшки, кото...

От пощечины голова подростка мотнулась назад.

– Не. Смей. Никогда. Ничего. Говорить. О. Моей. Матери. Понял? Ты меня понял, сопляк?

Мальчик молчал, упрямо закусив губу.

Девушка вывернула ему руку сильнее.

– Ты понял, сопляк?

Мальчишка кивнул.

– Скажи вслух.

– Понял... Отпусти...

Больно ему, видите ли. А еще к женщинам лезет, воображая себя взрослым мужчиной.

Девушка выпустила руку брата.

С минуту они молчали.

Клеопатра просто ждала, что братец уйдет.

А он, переминаясь с ноги на ногу, чего-то ждал.

– Но мы ведь с тобой муж и жена, – выдавил он из себя наконец. – Ты когда выходила за меня замуж, не могла не понимать, что...

– Нас с тобой поженили, чтобы сделать соправителями, – резко ответила она. – И ты прекрасно понимал, что если я откажусь – твоей женой и царицей станет Арсиноя, а если откажешься ты – вместо тебя на трон сядет наш младший брат. Это – просто такая традиция.

– Это – не традиция, – упрямо поджав губы, проговорил подросток. – Мой отец и моя мать – родные брат и сестра. И до этого наши предки часто женились на родных и двоюродных сестрах. Ты должна это знать!

Вот поэтому на тебя без слез и не взглянешь, миленький. Именно поэтому. Уж она-то насмотрелась еще в детстве на «дворцовых» кошек – их при дворе тоже зачастую скрещивали друг с другом, стремясь поддержать и чистоту породы, и «королевские крови». Котята – мелкие, с разными по размеру глазами, подслеповатые, а то и умирающие от голода – просто потому, что оказывались не в состоянии усвоить съеденную пищу...

Правда, Птолемей Дионис еще легко отделался – только мелкий рост, да кривые ноги, да редкие волосы, да прыщи – не только на лице, но и на руках, на плечах... Фу!

Вот поэтому династия и выродилась – благодаря этим бесконечным женитьбам на родных сестрах. Выродилась бы, если бы периодически цари не заводили детей от наложниц, не вливали струю свежей крови. Да еще и царицы иногда рожали детей вовсе не от своих законных супругов. Но, к сожалению, не в случае ее братьев: фамильные птолемеевские носы – лучшее тому доказательство. И у нее такой же – девушке, конечно, лучше бы иметь нос поизящнее. Но как говорила нянька – «какое тебе лицо дали боги, таким и придется пользоваться». Арсиное с лицом повезло меньше, поэтому сестрица и бесится. Впрочем, она еще подросток, может, лицо и выправится. Сама Клеопатра всего пару лет назад, в таком же возрасте, пожалуй, выглядела похуже.

– Послушай... – они произнесли это хором и уставились друг на друга.

– Ты вышла за меня замуж, чтобы иметь возможность править, – зло сказал Птолемей Дионис.

Клеопатра удивилась.

– Да. И ты с самого начала знал об этом. Предполагалось, что мы – союзники.

– Я не знаю, что ты предполагала. Возможно то, что, став царицей, ты сможешь за моей спиной случаться направо и налево!

От возмущения она даже задохнулась.

Случаться! Более грубое слово было трудно даже придумать! Случаться...

Внезапно она поняла, что является причиной такого поведения брата. Вернее, кто!

Вспомнилась встреча в темном дворцовом переходе, потные руки Ахилла-египтянина, сжимающие ее зад – потом еще синяки остались! Горячий шепот и странное чувство внизу живота. И – страх. Она оттолкнула военачальника, он отомстил. Все просто. Она могла бы догадаться и раньше. Нет, не оттолкнула – она оскорбила его, наверное, очень жестоко, как только женщина может оскорбить мужчину...

О том, что Ахилл после их «столкновения» утратил мужскую силу и винил в этом ее, Клеопатра даже не догадывалась.

– Это Ахилл? – напрямую спросила девушка. – Ахилл внушил тебе... эту мысль?

– Ахилл? – подросток хрипло расхохотался; потом его смех перешел в кашель – с ним частенько такое случалось. Наверное, тоже последствия брака между родными братом и сестрой.

– Да, Ахилл как-то поведал – под большим секретом, естественно! – насколько наша возлюбленная сестра и супруга горяча в постели...

На этот раз она вложила в удар всю свою ненависть. К мерзкому Ахиллу – жаль, что она тогда выбила ему только один зуб. К не менее мерзкому «брату и супругу». К жирному Пофинию, который тоже был не прочь ее полапать, но испугался после первой же попытки.

Конечно, можно рассказать Птолемею, где его приятель лишился зуба. Но – зачем? Он все равно не слушает. И не слышит.

– Убирайся вон, гаденыш. И если ты еще раз хотя бы просто подойдешь ко мне вне официальной церемонии... пеняй на себя!

Птолемей Дионис уже давно ушел. Дверь давно была заперта и даже подперта изнутри тяжелым сундуком. А юная царица, съжившись в углу, беззвучно рыдала, размазывая по щекам слезы.

За что? Боги, за что?! И ведь, наверное, братец Птолемей Дионис не единственный, кто считает ее шлюхой! Мерзавец Ахилл!

Почему так больно?! Разве мнение брата для нее что-то значит? Или, может быть, мнение придворных? Нет. Она не уважает этих людей, значит, ей должно быть все равно. Но почему ей не безразлично?!

– Мама! – прорыдала она. – Mamочка! Почему ты не забрала меня с собой?

Но обращаться к маме выходило плохо: Клеопатра совсем не помнила ее.

Папа? Он должен слышать... Может, попросить отца, чтобы боги забрали ее к нему?

Она вдруг явно увидела перед собой строгое лицо отца.

– Ты – папина слава...

Да, нечего сказать – слава, о которой такие слухи распускают.

Впрочем... Впрочем, об отце тоже говорили – в частности, о том, что он отравил свою жену, а потом и любовницу. Когда она была маленькая – не верила: это же папа! Самый лучший! Он просто не мог!

Стала постарше – относилась к этому совершенно по-другому: если отец и приказал кого-то отравить, значит, так было надо.

А сейчас снова задумалась: а было ли? Или об этом просто повторяли с чужих слов, со слов какого-то недоброжелателя, как сейчас, возможно, повторяли со слов Ахилла...

Эх, папа-папа! Для чего ты вообще умер? Был бы жив – тебя можно было бы спросить... Был бы жив – о твоей дочери вообще вряд ли кому-то пришло бы в голову распускать такие гнусные сплетни...

Ладно. Отец мертв, но она прекрасно знает, каков был бы его ответ, будь он жив: «Собака лает, караван идет».

Она тоже пойдет вперед. Несмотря на... лай и шипение. О ней будут ходить слухи? Будут, от этого никуда не денешься, люди всегда обсуждают тех, кто знатнее, богаче, просто удачливее. Может, она сама придумает и распространит парочку слухов. Пускай... обсасывают.

Внезапно ей стало смешно. А вот если пустить слух, что она живет... ну, скажем, со слоном? Что мужчины ее уже не удовлетворяют, поэтому она выбрала себе спутника жизни среди животных? Интересно, поверят? Поверят. Поверят в самую нелепую ложь, потому что – хотят. Верить в чужую подлость. В чужую глупость. В чужую развратность. Это позволяет закрывать глаза на собственные недостатки, такие мелкие по сравнению с недостатками царей...

Она смеялась и плакала. По лицу текли слезы, из горла вырывался звук, больше всего похожий, пожалуй, на клекот хищной птицы. Ей не успокоиться самой.

Придется выпить отвар.

И сделать его надо самой. Ее могут видеть развратной, жадной, жестокой, но ни в коем случае не жалкой. Цари не плачут при свидетелях.

И достав из сундука небольшую жаровню и мешочек с сушеными травами, девушка взялась за приготовление успокаивающего отвара.

Глава 10

Клеопатра вышла из зала. Они снова обсуждали с братом закупку хлеба.

В очередной раз пережевывали одно и то же. В Рим нужно было отправить зерно – отправили. Но в стране снова неурожай! Стало быть, нужно закупить зерно. Пускай в том же Риме. Отправили бесплатно, обратно получим за деньги, но – что делать? Даже александрийские хранилища почти пусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.